

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

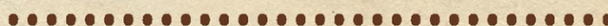
НАЙО

МАРШ

ПОСЛЕДНИЙ
ЗАНАВЕС

Родерик Аллейн

Найо Марш

Последний занавес

«Издательство АСТ»

1947

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Последний занавес / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1947 — (Родерик Аллейн)

Молодая талантливая художница Трой, супруга инспектора Скотленд-Ярда Родерика Аллейна, отлично знала, какие сплетни ходят о знаменитом театральном актере сэре Генри Анкреде, чей портрет она собиралась писать. Но умереть при загадочных обстоятельствах сразу после парадного обеда – пожалуй, слишком экстравагантно даже для гения сцены. Трой совершенно уверена: здесь имело место убийство. Но кто из многочисленных членов труппы сэра Генри – убийца? Ведь, в сущности, мотив избавиться от него был у всех присутствующих. И возможность совершить преступление – тоже! В одиночку Трой не справиться. И тогда ей приходится призвать на помощь своего мужа и провести расследование вместе с ним...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Марш Н., 1947
© Издательство АСТ, 1947

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Найо Марш

Последний занавес

Действующие лица

Агата Трой Аллейн

Кэти Босток

Найджел Батгейт

Сэр Генри Анкред, баронет

Клод Анкред – его старший сын

Томас Анкред – его младший сын

Полин Кентши – его старшая дочь

Пол Кентши, Патриция (Пэнти) Кентши – его внуки

Дездемона Анкред – его младшая дочь

Миллимент Анкред – его сноха (жена покойного Генри Ирвинга Анкреда)

Седрик Анкред – его прямой наследник (сын Миллимент)

Достопочтенная миссис Клод Анкред (Дженетта) – его сноха (жена Клода Анкреда)

Фенелла Анкред – его дочь

Мисс Соня Орринкерт

Мисс Кэролайн Эйбл.

Баркер – дворецкий в поместье Анкреда

Доктор Уизерс – семейный врач там же

Мистер Джунипер – аптекарь

Мистер Рэттисбон – адвокат

Мистер Мортимер – похоронное бюро «Мортимер и Лоум»

Родерик Аллейн – главный детектив-инспектор

Фокс – инспектор отдел сыска Нового Скотленд-Ярда

Бейли – детектив-сержант

Доктор Кертис – судмедэксперт

Томпсон – детектив-сержант

Сельский констебль

Глава 1

Осада Трой

I

– Карбункул, месячный отпуск и муж, возвращающийся от антиподов, – раздраженно заговорила Трой, входя в студию, – сами по себе это вполне нормальные вещи. Но все вместе – страшная неразбериха получается.

Кэти Босток с тяжелым вздохом отступила от мольберта, прищурилась и, равнодушно посмотрев на свое творение, осведомилась:

– А в чем, собственно, дело?

– Звонили из Джи-1. Рори возвращается. Наверное, будет здесь недели через три. К тому времени я уже избавлюсь от карбункула и вернусь к девочкам в свою берлогу.

– По крайней мере ему не придется любоваться на твой карбункул. – Мисс Босток с отвращением взглядела в дело рук своих. – И то хорошо.

– Он у меня на бедре.

– Знаю, бедолага ты моя.

– Однако, Кэти, – продолжала Трой, становясь рядом с подругой, – согласишься, ты должна признать, что это очень гадко... А у тебя получается, – добавила она, взглядываясь в изображение на холсте.

– Придется тебе переехать в лондонскую квартиру немного раньше, вот и все.

– Но если бы все так не сошлось, карбункул, Рори, отпуск – ну да, конечно, карбункул немного раньше, – мы бы провели здесь вместе пару недель. Адъютант генерала обещал, и Рори писал в каждом письме... Признай, Кэти, что это весьма неприятно. Только не говори, что в Европе происходят вещи и похуже, то...

– Ладно, ладно, – умиротворяюще проговорила мисс Босток. – Я всего лишь хотела сказать, что, по удачному совпадению, твоя берлога и работа Родерика оказались в одном и том же месте, в Лондоне. Умей во всем находить хорошую сторону, дорогая, – нравоучительно добавила она. – Что это за письмо ты там теребишь все время?

Трой разжала узкую ладонь, в которой обнаружился смятый лист почтовой бумаги.

– Ты об этом? – смущенно спросила она. – А, ну да, ну да, конечно. Никогда такого бреда не читала. Взгляни.

– Он весь в кадмии.

– Знаю. Я уронила его на шпатель. К счастью, только обратная сторона запачкалась.

Мисс Босток расправила письмо на столе с красками – рядом с кадмием появились отпечатки кобальта. Это был лист почтовой бумаги, плотный, белого цвета, еще довоенного производства, с вензелем в верхней части, увенчанным гребнем в виде креста с зубчатыми краями.

– Ничего себе, – сказала мисс Босток. – Поместье Анкретон. Это... Ничего себе!

Мисс Босток была из тех, кто всегда читает письма вслух.

*«Мисс Агата Трой (миссис Родерик Аллейн)
Тэтлерз-Эн-Хаус Боссиот, Бакингэмшир*

Уважаемая мадам!

Обращаюсь к Вам от имени своего тестя, сэра Генри Анкреда, который хотел, чтобы Вы написали его портрет в костюме Макбета. Портрет, размером шесть на четыре фута, будет висеть в центральном холле особняка Анкретон.

Будучи нездоров, мой тесть желал бы позировать здесь и приглашает вас приехать в субботу, 17 ноября, и побыть здесь столько, сколько понадобится для завершения работы. По его мнению, это займет примерно неделю. Он будет признателен, если Вы телеграфно известите, интересуется ли Вас его предложение, а также укажете размер гонорара.

Искренне Ваша,
Миллимент Анкред».

– Вот нахал! – не удержалась мисс Босток.

Трой усмехнулась.

– Ты наверняка обратила внимание, что мне предлагают сварганить картину шесть на четыре за семь дней. Интересно, а дорисовать трех ведьм и окровавленного ребенка тоже придется?

– Ты уже ответила?

– Пока нет, – пробормотала Трой.

– А ведь отправлено оно шесть дней назад, – строго сказала мисс Босток.

– Знаю. Моя вина. Как сформулировать в телеграмме: «Глубоко сожалею чужих домах картин не пишу»?

Кэти Босток помолчала, поглаживая своими короткими сильными пальцами вензель с крестом.

– А я думала, что такие штуковины бывают только у пэров, – заметила она.

– Видишь, тут крест с окончанием в виде якоря. Отсюда, наверное, и Анкред¹.

– А, все понятно! – воскликнула Кэти, потирая нос пальцем в голубой краске. – Забавно.

– Что забавно?

– Ты ведь вроде делала декорации для одной постановки «Макбета»?

– Ну да. Точно, поэтому обо мне и вспомнили.

– Боже милосердный! Помнишь, – продолжала мисс Босток, – мы видели его в этом спектакле? Ты, Родерик и я? Нас Батгейты пригласили. Еще до войны дело было.

– Конечно, – кивнула Трой. – Он играл бесподобно, верно?

– Верно, и больше того, он выглядел бесподобно. Что за череп! Трой, помнишь, мы говорили...

– Говорили. Слушай, Кэти, ты, часом, не хочешь сказать...

– Нет, нет, конечно, нет. Во имя всего святого, нет! Но чудно все-таки, ведь мы тогда сразу согласились, что здорово было бы написать его в эдакой величественной манере. На фоне задника, который выкроили из твоей декорации, – плывущие облака и грубая черная стена замка. Сама фигура расплывчатая, в плаще.

– Вряд ли бы это его обрадовало. Старый господин, он, наверное, предпочел бы появиться в лучах света, и выражение чтобы подобающее было. Ладно, надо послать телеграмму. Ах, будь оно неладно! – вздохнула Трой. – Хорошо бы все же чем-нибудь заняться.

Мисс Босток хмуро посмотрела на Трой. Четыре года напряженной работы над плакатами для армии, а затем такой же и, пожалуй, требующей еще большей дисциплины работы в комитете ООН по оказанию помощи и реабилитации оказались, похоже, большим испытанием для ее подруги. Она исхудала, сделалась немного раздражительна. Наверное, было бы лучше, если б она могла побольше писать, подумалось Кэти. Мисс Босток не считала цветные карты, пусть самые необычные, компенсацией за отказ от чистого искусства. Четыре года без живописи и без мужа. «Слава Богу, – подумала Кэти, – я не такая. Меня все устраивает».

¹ Игра созвучий: anchor (якорь) – Анкред. – *Здесь и далее: примеч. пер.*

– Если он будет здесь через три недели, – говорила Трой, – как думаешь, где он сейчас? Может, в Нью-Йорке? Но тогда он бы телеграфировал оттуда. Последнее письмо, разумеется, пришло еще из Новой Зеландии. И телеграмма тоже.

– Почему бы тебе не заняться работой?

– Работой? – рассеянно переспросила Трой. – А, ну да, конечно. Пойду все же pošлю телеграмму. – Она двинулась было к двери, но тут же вернулась за письмом. – Шесть на четыре, подумать только.

II

– Мистер Томас Анкред? – спросила Трой, разглядывая визитку. – Слушай, Кэти, милая, да ведь это он, собственной персоной.

Кэти, почти закончившая свое мощное полотно, отложила кисти и сказала:

– Это ответ на твою телеграмму. По твою душу приехал. А кто это?

– Насколько я понимаю, один из сыновей сэра Генри Анкреда. Театральный продюсер, что ли? Помнится, я видела это имя под перечнем исполнителей ролей – «Продюсер Томас Анкред». Ну да, точно. Это он занимался постановкой «Макбета» в «Единороге», о которой мы с тобой говорили. Видишь, и на визитке – театр «Единорог». Придется пригласить его поужинать, Кэти. Ближайший поезд только в девять. Снова консервы придется открывать. Боже, какая тоска.

– Не понимаю, почему он должен ждать именно здесь. В деревне есть забегаловка. Если уж он приезжает с поручением какого-то идиота...

– Посмотрю хоть, как он выглядит...

– Что, прямо так, даже рабочую блузу не снимешь?

– Да нет, пожалуй, – рассеянно сказала Трой и двинулась по дорожке, соединяющей студию с домом, где она жила. День выдался холодный. Обнаженные ветви деревьев покачивались со скрипом на северном ветру, по небу бежали свинцовые тучи.

«А если, – вдруг подумала Трой, – я войду в дом, а там – Рори? Допустим, он решил приехать тайком и теперь ждет меня в библиотеке. Он зажег огонь в камине, чтобы нам было тепло. Лицо его выглядит так же, как в первый раз, когда он стоял там, – немного бледное от возбуждения. Допустим...» – Воображение у нее было живое, и она стремительно разматывала нить фантазии. Картина оказалась настолько ясной, что вызвала физическую реакцию: сердце заколотилось, а ладонь, стоило положить ее на ручку двери, ведущей в библиотеку, даже слегка задрожала.

Мужчина, стоявший перед холодным камином, был высок и несколько сутул. Волосы, слегка напоминающие по виду шелк-сырец, торчали на голове тонкими кустиками, как у ребенка. Он носил очки и, помаргивая, смотрел сквозь них на Трой.

– Добрый день, – заговорил мужчина. – Меня зовут Томас Анкред, впрочем, вам это уже известно из визитки. Надеюсь, вы не в претензии, что я явился сюда. Вообще-то ехать мне не хотелось, но семья настояла.

Он протянул руку – его рукопожатие было безвольным, Трой его почти не ощутила.

– Все это как-то очень глупо, – продолжал он. – Я имею в виду портрет папа, конечно. Знаете, мы все называем его «папа». Некоторым кажется, что звучит сентиментально, но так уж сложилось. В общем, папин портрет. Должен сказать, что ваша телеграмма всех буквально повергла в шок. Мне позвонили и сказали, что вы, наверное, ничего не поняли и я должен поехать к вам и все объяснить.

Трой разожгла камин.

– Присаживайтесь, – предложила она, – вы, должно быть, замерзли. И объясните, я не поняла.

– Ну, прежде всего, что писать портрет папа – это честь. Я пытался растолковать, что как раз наоборот – это для нас честь, если вы вдруг согласитесь. Спасибо, я действительно сяду. Путь от вокзала неблизкий, и, по-моему, я натер пятку. Не возражаете, если посмотрю? Достаточно будет нащупать через носок.

– Я уже отвернулась, – сказала Трой.

– Точно, – объявил Томас после некоторого молчания, – волдырь. Ладно, для приличия ботинок снимать не буду, и так пройдет. Так вот, об отце. Разумеется, вам известно, что он – Великий Старик английской сцены, так что в это можно не углубляться. Кстати, вам-то самой хоть немного нравится его игра?

– В высшей степени, – сказала Трой. Хорошо, что это правда. Этот странный человек наверняка уловил бы любую фальшь.

– Правда? – переспросил он. – Рад слышать. Конечно, на сцене он весьма хорош, хотя временами немного поскрипывает, вам не кажется? И еще, эти его фокусы! Не может сыграть эмоциональную сцену без того, чтобы не дышать на весь зал. Но вообще-то да, играет по-настоящему хорошо, в своем деле он вроде как великолепная миссис Битон². Рецепты всех блюд, и из лучших продуктов.

– Послушайте, мистер Анкред, – остановила его Трой, – к чему это все?

– Ну, это часть экспозиции. Чтобы заставить вас посмотреть на вещи под другим углом зрения. Великого английского актера рисует великая английская художница, понимаете? Я не думаю, что вам понравится поместье Анкретон, но взглянуть на него стоит. Выглядит очень аристократично. Портрет будет висеть под галереей менестрелей, со специальной подсветкой. Цена значения не имеет. Это в честь его семидесятилетия. Вообще-то он считает, что нация сама должна преподнести ему такой подарок, но, поскольку нация об этом как-то не задумывается, приходится брать дело в свои руки. Ну и о потомстве он, конечно, думает, – добавил Томас немного погодя, осторожно запуская ладонь в расшнурованный ботинок.

– Если вы хотите, чтобы я порекомендовала кого-нибудь из художников, кто мог бы...

– Иные протыкают волдыри, – перебил ее Томас, – но я не из таких. Нет-нет, спасибо, перечень лучших из дублеров уже и так составлен. Я рассказывал вам об Анкретоне. Вы ведь помните, как описываются замки в викторианских романах – залитые лунным светом башни и совы, летающие на фоне луны? Анкретон точно таков. Его построил мой прадед. Он снес славный дом времен королевы Анны и возвел Анкретон. Сначала поместье обнесли рвом, но люди начали болеть дифтерией, тогда его высушили и принялись выращивать овощи. Кормят там хорошо, потому что овощей много, а во время войны папа велел вырубить Большую Восточную Чашу и сложить дрова в сарай – дров столько, что ими топят до сих пор.

Томас с улыбкой посмотрел на хозяйку. Улыбка у него была неуверенная и какая-то кривоватая.

– Да, – сказал он, – вот вам и Анкретон. Думаю, он вам не понравится, но покажется забавным.

– Поскольку я не собираюсь... – заговорила Трой, чувствуя, что ее охватывает паника. Но Томас словно не услышал.

– Ну а помимо того, разумеется, семья. Отлично! Для начала папá и Миллимент и Полин и Пэнти. Как вы относитесь к эмоциям?

– О чем это вы?

– У нас очень эмоциональная семья. Ее члены всё переживают самым глубоким образом. И самое забавное, – продолжал Томас, – что они действительно всё глубоко переживают. Они по-настоящему чувствительны, только все думают, что так не бывает, невозможно быть таким чувствительным, какими они представляются, и в этом беда всей семьи. – Томас снял очки

² Изабелла Мэри Битон (1836–1865) – автор знаменитой поваренной книги.

и, прищурившись, невинно посмотрел на Трой. – Но мои родственники испытывают удовлетворение от осознания того, что они гораздо чувствительнее всех остальных. Думаю, это тоже вас позабавит.

– Мистер Анкред, – терпеливо начала Трой, – я сейчас в отпуске, не вполне здорова, видите ли...

– Правда? А выглядите хорошо. Что с вами?

– Карбункул... – сердито ответила Трой.

– Да ну? – поцокал языком Томас. – Больно, должно быть?

– ...и потому нахожусь не в лучшей форме. Заказ, о котором идет речь в письме вашей золовки, потребует не меньше трех недель напряженной работы. В письме же речь идет об одной.

– А сколько продлится ваш отпуск?

– Дело не в этом, – поджала губы Трой. – Дело в том...

– У меня тоже как-то выскочил карбункул. И знаете, если продолжать работать, чувствую себя лучше. У меня, – горделиво заметил Томас, – карбункул был на ягодице. Место весьма неудобное. – Он вопросительно посмотрел на Трой, пересевшую по привычке на коврик у камина. – У вас-то, – продолжал Томас, – наверняка...

– На бедре. Да, это гораздо лучше...

– Что ж, в таком случае...

– Не в том суть. Мистер Анкред, я не могу взяться за выполнение этого заказа. После трехлетнего отсутствия возвращается мой муж...

– Когда? – перебил ее Томас.

– По-видимому, через три недели, – ответила Трой, жалея, что не умеет врать легко и непринужденно. – Но кто знает, как оно обернется. Может, и раньше приедет.

– В таком случае Скотленд-Ярд наверняка даст вам знать, не так ли? Ведь он там довольно большая шишка, я не ошибаюсь? И если вы будете в Анкретоне, связаться с вами по телефону ничуть не труднее, чем здесь.

– Но дело в том, – Трой уже едва сдерживалась, чтобы не перейти на крик, – что я не хочу писать вашего отца в роли Макбета. Извините за прямоту, но это действительно так.

– Ну вот, я же говорил им, что вы откажетесь, – самодовольно заявил Томас. – А Батгейты уверяли меня в обратном.

– Батгейты? Вы про Найджела и Анджелу Батгейтов?

– А то о ком же? Мы с Найджелом старинные друзья. Когда мое семейство затеяло все это предприятие, я отправился к нему, чтобы спросить его, как, с его точки зрения, вы отнесетесь к предложению. Найджел сказал, что, насколько ему известно, вы сейчас в отпуске и, по его мнению, идея должна вам понравиться.

– Да что он в этом понимает?

– Он сказал, что вам нравятся необычные люди. Он сказал, что папá как натурщик должен вас увлечь, а разговорами с ним вы вообще будете упиваться. Это лишний раз доказывает, как мало мы знаем своих друзей, не правда ли?

– Именно так, – согласилась Трой.

– И все же мне страшно любопытно, как бы вы справились с Пэнти.

Трой уже решила было больше не задавать Томасу Анкреду никаких вопросов, так что собственный голос услышала с ощущением бессильной ярости:

– Вы сказали «Пэнти»?

– Да, это моя племянница. Младшая дочь моей сестры Полин. Мы называем ее так, потому что у нее постоянно сползают шаровары³. Это трудный ребенок. Школа, в которой она

³ Pants – брюки, штаны.

учится – а это школа для трудных детей, – была эвакуирована в Анкретон. Дети размещаются в западном крыле здания под опекой очень приятной женщины, ее зовут Кэролайн Эйбл. Пэнти – это нечто.

– Ну-у... – протянула Трой, ибо он как будто ждал ответа.

– Точно вам говорю. Она настолько ужасна, что в некотором роде даже нравится мне. Маленькая девочка с косичками и лицом настоящего дьяволенка. Такая вот особа.

Томас прижал к голове оба указательных пальца под прямым углом, сделал страшное лицо и надул щеки. Глаза у него засверкали. Сама того не желая, Трой внезапно оказалась лицом к лицу с плохим ребенком. Она коротко рассмеялась. Томас потер руки.

– Если будет позволено сказать, – заговорил он, – у вас глаза на лоб полезут, когда вы увидите, что она вытворяет. Взять хоть кактус в кровати Сони. К сожалению, это папина любимица, поэтому она практически неуправляема. Ну и конечно, ее нельзя бить, разве что от ярости удержаться не можешь, потому что имеешь дело с необычным ребенком.

Он задумчиво посмотрел на пламя камина.

– Дальше – Полин, моя старшая сестра, это важная персона. Милли, золовка, она постоянно смеется без всякого повода и ведет дом, потому что ее муж, мой старший брат Генри Ирвинг, умер.

– Генри Ирвинг⁴! – Трой так и подскочила. «Нет, это положительно сумасшедший», – с тревогой подумала она.

– Естественно, я говорю об актере Генри Ирвинге. Это кумир папа, вот он и назвал сына его именем. Ну и, наконец, Соня. Соня – это папина любовница. – Томас откашлялся на манер старой девы. – Ситуация прямо-таки библейская. Помните Давида и Ависагу-сунамитянку? Все в доме Соню недолюбливают. Должен сказать, она *очень* плохая актриса. Я вам не наскучил?

Совсем не наскучил, но Трой ужасно не хотелось в этом признаваться.

– Ничуть, – побурчала она и спросила у Томаса, не хочет ли он чего-нибудь выпить.

– Спасибо, если найдется, с удовольствием, – кивнул он.

Трой пошла за выпивкой, рассчитывая по дороге разобраться в своем отношении к посетителю. Кэти Босток она обнаружила в столовой.

– Ради Бога, Кэти, – сказала Трой, – пошли со мной. Ко мне там настоящий монстр появился.

– И он останется на ужин?

– Я не предлагала, но, наверное, да. Так что придется все же открыть банку консервов из запасов Рори.

– Может, вернешься к этому типу?

– И ты со мной, ну пожалуйста. Я боюсь его. Он рассказывает мне о своей семье, представляет всех в весьма отталкивающем виде, но при этом рассчитывает, что мне все-таки захочется с ними познакомиться. Но что меня более всего беспокоит, в этом семействе есть какая-то дьявольская притягательность. Важная персона Полин, стяжательница Соня; страшная малышка Пэнти, Милли, которая постоянно смеется без всякого повода. И папá, этот великан, собирающийся подарить себе собственный портрет, потому что нация так и не удосужилась наскрести...

– Только не говори мне, что ты согласилась!

– Ну уж нет. О Господи, нет, конечно! Что я, психованная? Но... не спускай с меня глаз, Кэти, – закончила Трой.

⁴ Генри Ирвинг (1838–1905) – псевдоним Джона Генри Вродрибба, знаменитого театрального актера Викторианской эпохи, прославившегося исполнением шекспировских ролей.

III

Томас принял приглашение поужинать, выразив полное восхищение консервированными новозеландскими лангустами.

– У нас есть друзья в Новой Зеландии, да и в Америке тоже, – сказал он, – но, к сожалению, рыбные консервы вызывают у папá приступы гастроэнтерита. А появившись они на столе, и папá не сможет противостоять соблазну, так что Милли наложила на них запрет. Следующий раз, как поеду в Анкретон, она выдаст мне несколько банок для личного пользования.

– Так вы живете не в Анкретоне? – спросила Трой.

– Конечно, нет, ведь работаю-то я в Лондоне. Так, время от времени наезжаю на выходные, чтобы дать семье возможность поделиться своими секретами. Папа любит собирать нас. На его день рождения целое мероприятие готовится. Приедут Пол, это сын Полин, у него нога повреждена, потом еще Седрик, сын Миллимент, он модельер. Вряд ли Седрик вам понравится. Еще моя сестра Дездемона, сейчас она без работы, но рассчитывает получить роль в новом спектакле в «Кресенте». Так, кто еще? Надеюсь, будет другая моя золовка, Дженетта, со своей дочерью Фенеллой. Ее муж, самый старший из моих братьев, Клод, – полковник оккупационных сил, он еще не вернулся в Англию.

– Да, целая компания, – заметила Кэти. – Вот уж повеселитесь.

– Без стычек, конечно, не обойтись, – откликнулся Томас. – Когда двое или трое Анкредов оказываются в одном помещении, будьте уверены, подколоть друг друга они возможности не упустят. Вот тут-то как раз я и пригожусь, потому что у меня шкура дубленая, со мной они друг другу перебивают косточки. И Соне, это уж самой собой. О Соне все мы толкуем. Вообще-то мы надеялись торжественно презентовать портрет папá по этому поводу, – добавил он, задумчиво глядя на Трой. – По правде говоря, ради этого все и затевается.

Трой пробормотала что-то невнятное.

– На прошлой неделе папá просто-таки восторгался, разглядывая костюм Макбета, – продолжал Томас. – Помните его? Мотили делал. Красного цвета, в духе Паоло Веронезе, темный, но прозрачно-темный, с дымчатым капюшоном. У нас в Анкретоне есть, видите ли, маленький театр. Я привез с собой оригинальный задник для одной из сцен в интерьере и повесил его. Какое совпадение, не правда ли, – невинно продолжал Томас, – что именно вы оформляли тот спектакль? Конечно, вы помните его, не можете не помнить. Сцена очень простая. Силуэт разрушенного замка. Макбет одевается и встает перед стеной, упершись подбородком в рукоятку меча и словно к чему-то прислушиваясь. «Благие силы дня уснули»⁵, помните?

Трой прекрасно помнила эту строку. Аллейн любил рассказывать, как однажды, в рассветные часы ветреного дня, ее продекламировал ему какой-то констебль из ночной смены. Голос Томаса, прочитавший эту строку с чисто актерским пониманием смысла, прозвучал эхом голоса ее мужа и сразу же отвлек Трой от всего остального.

– Некоторое время он то выздоравливал, то снова заболел, – говорил меж тем Томас, – и впал в полное уныние. Но мысль о портрете крепко встряхнула его, и он вбил себе в голову, что написать его должны именно вы. А как же, вы ведь писали его ненавистного соперника.

– Сэра Бенджамина Корпорала? – негромко проговорила Трой, переводя взгляд на Кэти.

– Ну да. И старина Бен на каждом углу повторяет, что вы пишете только тех, кто вас увлекает – как художницу, я имею в виду. Он говорил нам, что вы безумно увлеклись им как художница. Мол, он единственный актер, которого вам захотелось написать.

– Ничего подобного, – сердито огрызнулась Трой. – Это был заказ его родного города – Хаддерсфилда. Старый болтун!

⁵ У. Шекспир. «Макбет», акт 3, сцена 2. Пер. Ю. Корнеева.

– Папá он сказал, что нечего и обращаться, все равно вы ему от ворот поворот дадите. Между прочим, когда принесли вашу телеграмму, папá был одет в костюм Макбета. «Ага! – сказал он. – Это знамение. Как думаете, дорогие мои, мисс Трой – или ему следовало бы сказать «миссис Аллейн»? – понравится эта поза?» И знаете, он в этот момент таким молодым выглядел. А потом прочитал вашу телеграмму. Должен сказать, что воспринял он ее довольно спокойно. Просто протянул Милли со словами: «Не надо было мне надевать этот костюм. Он всегда одни только беды приносил. Я старый тщеславный дурак». Он вышел, переоделся, и с ним, беднягой, случился приступ гастроэнтерита. Ладно, мне, наверное, на вокзал пора.

– Я отвезу вас, – сказала Трой.

Томас было запротестовал, но Трой лишь нетерпеливо отмахнулась и пошла заводить машину.

Томас вежливо попрощался с Кэти Босток.

– А вы умный малый, мистер Анкред, – мрачно сказала Кэти.

– Правда? Вам так кажется? – скромно потупился Томас. – Да что вы, право? Умный? Я? Да ни за что на свете. Покойной ночи. Приятно было познакомиться.

Кэти прождала полчаса, пока внизу не послышался звук двигателя возвращающейся машины. Почти сразу же открылась дверь, и на пороге показалась Трой. На ней было светлое пальто. На лоб упал локон коротко постриженных темных волос. Руки были засунуты в карманы. Она неловко пересекла комнату и искоса посмотрела на Кэти.

– Ну что, избавилась от своего чудака-приятеля? – осведомилась мисс Босток.

– Да. – Трой откашлялась. – Он до конца выговорился.

– Так, – протянула мисс Босток и после продолжительной паузы спросила: – Когда ты уезжаешь в Анкретон?

– Завтра, – бросила Трой.

Глава 2

Отъезд

I

Трой надеялась, что Томас Анкред просто попрощается и оставит ее одну насладиться предотъездными минутами. Она обожала путешествовать поездом и не желала терять ни секунды этого драгоценного неудобства. Но вот вам пожалуйста, на Юстонской платформе стоит Томас, сказать ему явно нечего, и наверняка его переполняет то чувство скуки, которое всегда возникает при подобного рода ситуациях. «Почему бы ему не приподнять шляпу и не удалиться», – нервно подумала Трой. Но, поймав его взгляд, уловила такую растерянную улыбку, что испытала мгновенную потребность успокоить его.

– А я вот все думаю, – заговорил Томас, – вы, наверное, возненавидели нашу семью.

– Не важно, ведь, так или иначе, я еду работать.

– И то верно, – согласился он, явно испытывая огромное облегчение. – Вы представить себе не можете, до чего мне не нравятся иные актеры, но, когда я начинаю с ними работать, порой чуть не любовь приходит. Конечно, если они делают, что я им велю.

– А сегодня утром вы работаете? – И Трой подумала, до чего ненастоящей кажется жизнь людей, которых оставляешь на железнодорожной платформе.

– Да, – ответил Томас, – первая репетиция.

– Не надо ждать, – в четвертый раз повторила она, а он в четвертый раз, посмотрев на часы, ответил: «Просто провожу вас и уйду». Где-то в хвосте поезда загрохотала дверь. Трой выглянула в окно. Наконец-то она уезжает. Какой-то мужчина в военной форме, цепким взглядом обшаривая вагон за вагоном, продвигался в ее сторону.

– Найджел! – закричала Трой. – Найджел!

– О Господи, ну наконец-то! – воскликнул Найджел Батгейт. – Привет, Томас! Эй, Трой! Я знал, что поговорить времени у нас не будет, так что решил написать. – Он бросил ей пухлый конверт. Раздался свисток. Поезд дернулся, и Томас сказал: «Ну что же, всего хорошего. Мои будут очень рады»; приподняв шляпу, он исчез из поля зрения. Найджел быстро шагнул, не отставая от вагона.

– Вот это да! Самой смешно будет, – выдохнул он.

– А что это, роман? – спросила Трой, поднимая конверт повыше.

– Почти. Сама увидишь. – Найджел перешел на бег. – Мне всегда хотелось... сама увидишь... а когда Родерик?... Скоро! Через три недели! Ладно, счастливо! Не могу больше бежать. – Он остался позади.

Трой села на полку. В коридоре появился молодой человек. Он осмотрелся и в конце концов вошел в переполненный вагон. С размаху поставил чемодан на пол, уселся на него спиной к двери и открыл какое-то иллюстрированное издание. На голове у молодого человека была пронзительно-зеленая шляпа, на ногах замшевые туфли. На указательном пальце у него Трой заметила жадеитовое кольцо. Остальные пассажиры выглядели обыкновенно и тоже были погружены в чтение газет и журналов. Еще какое-то время за окном будут мелькать один за другим здания, дворы домов да случайные кучи мусора. Трой глубоко вздохнула, думая с облегчением, насколько же легче будет теперь, когда она занята работой, ждать мужа, потом ненадолго задремала, а очнувшись, открыла наконец письмо, переданное ей Найджелом.

«13 часов по Гринвичу, – писал Найджел. – Трой, дорогая, два часа назад мне позвонил, вернувшись после встречи с тобой, Томас Анкред. Он в полном восторге. Тебя ждет испытание,

но рисовать ВС⁶ – дело действительно великое. Я всегда умирал от желания описать Анкредов, но не могу позволить себе выступать ответчиком по делу о клевете, а это было бы неизбежно. Вот почему я решил поразвлечься и сочинил прилагаемую *jeu d'esprit*⁷. Может, она поможет тебе скоротать время в пути. Н.Б.».

Рукопись была озаглавлена: «Заметки о сэре Генри Анкреде, баронете, и его ближайшем окружении».

«И надо мне это читать? – подумала Трой. – Со стороны Найджела очень мило написать эти заметки, но я еду к Анкредам всего на две недели, и к тому же Томас уже дал мне исчерпывающие объяснения». И она опустила рукопись на колени. В этот самый момент молодой человек, сидевший на чемодане, тоже отложил свой глянцевоый журнал и пристально посмотрел на нее. Он производил на Трой довольно неприятное впечатление. Во взгляде его читалась какая-то дерзость. Рот казался пухлым под ниточкой усов, и губы выдавались слишком далеко вперед над маленьким белым подбородком. Все в нем как-то слишком изящно, подумала Трой и, поместив его в категорию людей слишком уж стандартного типа, утратила к нему всякий интерес. Тем временем молодой человек не сводил с нее взгляда. «Сиди он напротив меня, – подумала Трой, – наверняка стал бы расспрашивать, что там за окном. Чего ему нужно?» Она открыла рукопись Найджела и погрузилась в чтение.

II

«Все вместе и каждый по отдельности, – писал Найджел, – Анкреды, за единственным исключением, – люди сверхэмоциональные. Эту семейную черту следует твердо держать в уме при любой попытке описать или объяснить их поведение, ибо без нее они фактически просто не существуют. В этом смысле сэр Генри Анкред, возможно, тяжелее всех, но, поскольку он актер, друзья воспринимают его поведение как часть профессии, и оно редко их задает, правда, иногда вызывает чувство некоторой неловкости. Привлекли ли его к жене (ныне покойной) сходные, как ему показалось, свойства характера или за время супружеской жизни леди Анкред научилась выражать свои чувства не менее виртуозно, чем он сам, сказать трудно. Можно лишь констатировать, что ей это удалось; а потом она умерла.

Их дочери, Полин (в 1896 году Анкред играл в «Даме из Лиона»⁸) и Дездемона («Отелло», 1909), а также сыновья, Генри Ирвинг (Анкред сыграл небольшую роль в «Колоколах»⁹) и Клод (близнец Полин), каждый на свой лад унаследовали или приобрели те же эмоциональные наклонности. Лишь Томас от них свободен (когда он в 1904 году появился на свет, Анкред находился на отдыхе). Более того, Томас – на редкость спокойный человек. Может, именно поэтому его родители, сестры и братья, стоит им задеть чувства того или другого родича, обращаются именно к нему – и происходит это два-три раза в неделю, причем всякий раз с трагическим надрывом.

Полин, Клод и Дездемона последовали стезей отца. Полин поступила в труппу репертуарного театра на севере страны, вышла замуж за местного богача Джона Кентиша и оставила сцену провинциальной знаменитостью с устойчивой репутацией, сильно преувеличивающей ее скромное дарование. Она родила сначала Пола, а двенадцать лет спустя, в 1936 году, Пат-

⁶ Великий Старец – так говорят о видном пожилым человеке; изначально – прозвище У. Гладстона, многократного премьер-министра Великобритании во 2-й половине XIX века.

⁷ Игра ума (*фр.*).

⁸ Романтическая комедия Э. Булвер-Литтона (1803–1873).

⁹ Инсценировка повести «Польский еврей», главную роль в которой с огромным успехом сыграл Генри Ирвинг.

рицию, более известную под именем Пэнти. Как и все дети Анкредов, Полин отличалась редкостной красотой, сохранившейся и поныне.

Клод, ее близнец, благополучно переключался из Ориэля¹⁰ в ДООУ¹¹ и далее в театр, на роли героев-любowników. Он женился на почтенной мисс Дженетте Кэрнс, унаследовавшей большое состояние, но (как он любит повторять) так и не научившейся понимать его. Умная женщина. У них есть дочь, Фенелла.

Дездемона, четвертый ребенок сэра Генри (которой к настоящему моменту исполнилось тридцать шесть лет), стала неплохой драматической актрисой, которую, однако, трудно куда-либо пристроить, ибо она не способна донести до зрителя подтекст хороших ролей, на которые, обманутые красивой внешностью, привлекают ее время от времени антрепренеры из Вест-Энда. В конце концов она прибилась к какой-то труппе и появляется в пьесах, написанных двумя сюрреалистами, произнося слова своих ролей в такой душераздирающей манере, что они даже самой Дездемоне кажутся исполненными глубокого смысла. Она не замужем и пережила два несчастливых романа.

Старший сын, Генри Ирвинг Анкред, стал исполнителем второстепенных ролей и женился на Милдред Купер, которую его отец сразу же перекрестил Миллимент, ибо в то время восстанавливал на сцене пьесу Уильяма Конгрива «Так поступают в свете». С тех пор ее так и зовут. У них с мужем, который вскоре умер, родился сын Седрик, о котором чем меньше скажешь, тем лучше.

Твой друг Томас не женат. Обнаружив после двух-трех бесцветных попыток, что актер из него никудышный, он решил обучиться продюсерскому делу. На этом поприще, выдержав нелегкую борьбу, он преуспел и сейчас является директором театра «Единорог». На репетициях он, говорят, никогда не теряет самообладания, но порой люди видят, как он сидит в одиночестве в партере, обхватив голову руками. Томас живет в своей холостяцкой квартире в Вестминстере.

Все это потомство, Полин, Клод, Дездемона, Томас, а также их общая золовка Миллимент и дети подобны виньеткам узора, центральный мотив которого сам сэр Генри. Известный в кругу своих коллег как ВС (Великий Старец) английской сцены, сэр Генри считается человеком, глубоко привязанным к семье. Это часть его легенды, и, весьма возможно, она основывается на фактах. Он поддерживает тесные отношения с членами семьи, и мы не отклонимся от истины, если скажем, что больше всего он любит тех, с кем встречается реже всего. По-видимому, он любил жену. Они никогда не ссорились и всегда стояли горой друг за друга, если кто-то из детей обижал одного из них. Исключение в этом смысле, как и в большинстве других, касающихся общих свойств Анкредов, представляет собой Томас.

«Старина Томми, – любит повторять сэр Генри. – Забавный малый! Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент. Т-у-у!»

В устах всех Анкредов (за исключением, разумеется, Томаса) этот труднопроизносимый звук – т-у-у – должен выражать нечто вроде разочарованности и смирения одновременно. Звучит он на высокой ноте и отличается особенной характерностью.

Сэр Генри – не театральный рыцарь, он баронет, унаследовавший на склоне лет титул от своего баснословно богатого троюродного брата. Но баронетство тоже какое-то театральное, и хотя в истинности его сомневаться не приходится, поверить тоже трудно. Возможно, потому, что сэр Генри относится к титулу в высшей степени серьезно и любит толковать о своих норманнских предках с именами драматических персонажей какого-нибудь лицейского спектакля – например, сир д'Анкред, и так далее. Выглядит он, как любит повторять его камердинер, аристократом до кончиков ногтей: серебристые волосы, орлиный нос, голубые глаза. Еще

¹⁰ Один из колледжей Оксфордского университета.

¹¹ Драматическое общество Оксфордского университета – любительский театр, ставящий пьесы классического репертуара.

несколько лет назад он играл в салонных пьесах, виртуозно исполняя роли старых хрычей, то ли смешных, то ли противных. Иногда он забывал слова, но, используя целую серию знаменитых приемов, заставлял зрителей верить, что это не он запинаясь, а какой-то другой актер, послабее. В шекспировском спектакле он в последний раз выступил на юбилее Барда – в роли Макбета. Тогда ему было шестьдесят восемь лет. Потом у него развился хронический гастрит, и он оставил сцену, устроившись в родовом имении, – необычная архитектура Анкретона, быть может, напоминает ему Дунсинан.

Там он проживает и доныне, опекаемый Миллимент, которая после смерти мужа ведет хозяйство свекра. Все члены семьи считают, что она устилает гнездо для своего сына, этой притчи во языцех Седрика, личности весьма своеобразной. Стоит только назвать это имя, как семья (за исключением Томаса) неизменно начинает горько смеяться и набрасывается на бедную Милли за то, что она якобы не так обращается с ВС. Милли – женщина веселая и смеется в ответ. Однажды она сказала Томасу, что если кто-нибудь из его сестер хочет заменить ее, она всегда готова уступить. Тут-то она в самое больное место и попала – все они часто навещаются в Анкретон, но уже через несколько дней сбегает оттуда в совершенно растрепанных чувствах.

Время от времени они смыкают ряды. Сейчас наступил именно такой момент, ибо семья пребывает в состоянии войны с мисс Соней Орринкорт, третьестепенной актрисой, с которой их семидесятипятилетний отец затеял флирт. Неугомонный старик привез эту даму в Анкретон, где она, судя по всему, предполагает остаться. Когда-то она была хористкой, теперь ее взяли в «Единорог», ввели в один из спектаклей. Это был подлинный шок. В театральном мире «Единорог» – что «Будлс» в мире клубном. До мисс Орринкорт через его служебный вход не проходила ни единая певичка. На репетицию пожаловал сэр Генри. Через три недели мисс Орринкорт, обнаружив свою полную непригодность в качестве дублерши, получила от Томаса полный отлуп. Тогда она отыскала его отца, поплакалась в жилетку и выплыла в ее нынешней роли, относительно которой ни у кого в Анкретоне сомнений нет. Она блондинка. Полин и Дездемона утверждают, что она вынашивает матримониальные планы относительно Старика. Томас считает, что таких амбиций у нее нет. Клод, пребывающий ныне на Среднем Востоке, прислал телеграмму, составленную в таких невнятных выражениях, что определенно сказать можно лишь одно: он в ярости. В отсутствие Клода на семейный совет была вызвана его жена Дженетта, разумная и славная женщина, предпочитающая держаться на расстоянии от своих свойственников и свойственниц. Не исключено, что в случае женитьбы сэра Генри ее единственный ребенок, Фенелла, любимица номер два сэра Генри, после дочери Полин Пэнти, утратит свои позиции. Шокирована даже веселая Миллимент. Ее жуткий Седрик – старший внук, а сэр Генри в последнее время выказывает опасные признаки того, что у старой гвардии есть еще порох в пороховницах.

Ну вот и все, что можно сказать об анкретонской сцене. Мои сведения почерпнуты из случайных наездов в поместье и от Томаса, который, как ты наверняка заметила, – малый разговорчивый и смысл слова «сдержанность» ему незнаком.

Примерно так, дорогая Трой, я бы начал роман, за который не отваживаюсь приняться. И еще одно. Насколько я понимаю, ты собираешься писать сэра Генри в роли Макбета. Позволь предупредить тебя, что если вокруг будет крутиться дочь Полин Пэнти, то в ее лице ты получишь Окровавленного Младенца».

III

Трой свернула рукопись и положила ее в конверт, поперек которого Найджел крупным шрифтом написал ее имя. Молодой человек, сидевший на чемодане, не сводил глаз с конверта.

Она перевернула его лицевой стороной. На коленях у молодого человека лежал журнал, открытый на странице с фотографией. Трой с раздражением узнала на фотографии самое себя.

Так вот в чем дело. Он узнал ее. «Наверное, – подумала она, – он из тех, кто может подглядывать за знаменитостями. Если другие пассажиры сойдут до того, как мы доедем до Анкретон-Холта, наверняка полезет знакомиться, и прощай мое славное путешествие. Черт!»

Поля, пробегающие за окном, сменились ковровой дорожкой живых изгородей, полугими спусками и обнаженными деревьями. Трой любовалась пейзажем. Позволив подбить себя на эту авантюру, она почему-то обрела эмоциональный покой. Необыкновенно приятно было сознавать, что скоро вернется муж. Она больше не испытывала тех мгновений страха, когда казалось, будто в результате его трехлетнего отсутствия между ними может вырасти стена непонимания. Комиссар обещал предупредить ее о его приезде за два дня. А пока поезд уносит ее туда, где ждет работа, – да и общество незнакомых людей скучными не назовешь. «Надеюсь, впрочем, – подумала Трой, – что их семейные свары не помешают сеансам. Вот это было бы действительно скучно».

Поезд затормозил у полустанка, и пассажиры (все, кроме молодого человека на чемодане) стали собирать вещи. «Как раз то, чего я опасалась», – подумала Трой. Она открыла корзинку с едой, а потом книгу. «Если я буду есть и читать у него на глазах, – решила она, – это, пожалуй, удержит его от попыток познакомиться». Она вспомнила, с каким неодобрением отзывался Ги де Мопассан о людях, закусывающих в поезде.

Поезд тронулся. Трой жевала сандвичи и читала первую сцену «Макбета». Ей захотелось вернуться в эту ужасную страну, единственный аналог которой, думала она, можно найти у Эмили Бронте. Эта фантазия увлекла ее, и она задержалась на какой-то строке, чтобы перенести призраки Хитклифа и Кэтрин¹² в проклятую пустошь или последовать за Флиэнсом через болота, в сторону Грозового Перевала. Да, но если уж предстоит писать Макбета, подумала она, надо читать. И подобно тому как первые же модуляции голоса друга, с которым встречаешься после долгой разлуки, сразу приготавливают тебя к нотам, которые еще предстоит услышать, первые же строки пьесы, которые, как ей казалось, она давно забыла, оживили в памяти весь текст.

– Извините за то, что отрываю, – послышался высокий голос, – но мне безумно хочется поговорить с вами, а это такая чудесная возможность.

Молодой человек протиснулся через проход между сиденьями и уселся напротив. Он склонил голову набок и заискивающе улыбнулся Трой.

– Ради Бога, не думайте, что у меня какие-то дурные намерения, – заговорил он. – Честное слово, вам нет никакой нужды дергать шнур вызова проводника.

– Какой шнур? Я и понятия не имела, что такой есть, – сказала Трой.

– Вы ведь Агата Трой, так? – нервно продолжал молодой человек. – Я не мог ошибиться. То есть я хочу сказать, какое поразительное совпадение, а? Еду себе, читаю журнальчик – и что же вижу? Вашу великолепную, божественную фотографию. Поразительно, чудо какое-то. И даже если бы у меня возникла хоть тень сомнения, ее стерла бы эта страшная история, которую вы читаете.

Трой перевела взгляд с книги на молодого человека.

– Вы о «Макбете»? – спросила она. – Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Да ну, все же так ясно, – возразил он. – Правда, я не представился, верно? Меня зовут Седрик Анкред.

– Ах вот как, – помолчав, вымолвила Трой. – Ну да, конечно.

– Ну и наконец, на конверте написано ваше имя. Боюсь, я совершенно бессовестно пилился. Но до чего же здорово, что вы действительно будете писать портрет Старика во всех

¹² Главные герои «Грозового Перевала».

этих старинных причиндалах. Вы и представить себе не можете, что это за костюм! А этот его ток¹³ сделал из чистой стали очень влиятельный человек. Он мне дед. А мать – Миллимент Анкред. Моего отца – только пообещайте никому не говорить – звали Генри Ирвингом Анкредом. Можете себе представить?!

Трой не нашлась что ответить на этот монолог и откусила еще кусок сэндвича.

– В общем, сами видите, я просто должен был вам представиться, – продолжал он, явно желая произвести впечатление «обаяшки» (как Трой назвала это про себя). – Я ведь так обожаю ваши работы, и перспектива знакомства с вами с самого начала просто не давала мне покоя.

– Да, но откуда вам стало известно, что я собираюсь писать сэра Генри? – осведомилась Трой.

– Вчера вечером я позвонил дяде Томасу, и он мне все рассказал. Вообще-то я был еще раньше призван пред светлые очи, но решил не ездить, однако после разговора с дядей Томасом сразу переменял планы. Видите ли, – продолжал Седрик с мальчишеской откровенностью, которая показалась Трой нестерпимой, – видите ли, вообще-то я тоже пытаюсь писать. Рисунку в школе живописи обучаюсь. Сегодня, конечно, все очень строго и мрачно, но мы все же чего-то пытаемся сделать.

На нем был серебристо-серый костюм. Рубашка – светло-зеленая, пуловер – темно-зеленый, галстук – оранжевый. Глаза довольно маленькие, а посредине мягкого округлого подбородка – ямочка.

– Если позволите обратиться к вашим произведениям, – говорил тем временем Седрик, – то в них есть нечто такое, что буквально магнетизирует меня. Как бы это сказать... форма всегда гармонирует с содержанием. Я имею в виду, рисунок не произвольно навязывается теме, но с неизбежностью вырастает из нее. Единство, всегда единство. Или я чушь мелю?

Это не было чушью, что Трой с неохотой вынуждена была признать. Вообще-то она не любила говорить с посторонними о своей работе. Несколько секунд Седрик Анкред не сводил с нее взгляда. У нее возникло неприятное подозрение, что он ощущает ее антипатию. Дальнейшее его поведение было неожиданным. Он провел ладонью по волосам, светлым, влажным и волнистым.

– О Господи! – воскликнул он. – Ну что за люди! Чего только не скажут! И ведь не остановишь, вот как вы. Боже! Ну отчего жизнь всегда так отвратительна?

«Ну и ну», – подумала Трой, закрывая корзинку с едой. Седрик пристально смотрел на нее. Ясно, что от нее ожидают ответа.

– Я не особенно сильна в жизненных обобщениях, – сказала Трой.

– Ясно! – пробормотал он и глубокомысленно кивнул. – Все ясно. Я совершенно согласен. Разумеется, вы полностью правы.

Трой искоса посмотрела на часы. До Анкретон-Холта еще полчаса, подумала она, к тому же и он туда едет.

– Я вас утомляю! – громогласно объявил Седрик. – Нет, нет, не возражайте. О Боже! Я вас утомляю. Т-у-у!

– Я просто не умею поддерживать такие разговоры, вот и все.

Седрик снова закивал.

– Вы читали, – сказал он. – А я оторвал вас. Это непозволительно. Это оскорбление Святого Духа.

– Чушь какая-то, – раздраженно фыркнула Трой.

– Валяйте, – мрачно рассмеялся Седрик. – Ну же, прошу вас. Возвращайтесь к своей «Проклятой пустоши». По-моему, это отвратительная пьеса, однако – вперед, читайте!

¹³ Шляпа без полей, которую в старину носили не только женщины, но и мужчины.

Но читать, ощущая, как тебя разглядывает некто, сидящий на расстоянии в несколько дюймов, было не так-то просто. Трой перевернула страницу. Через минуту-другую молодой человек начал зевать. «Он зевает, – подумала Трой, – как Черепаха-Квази, и вообще, по-моему, он какой-то тронутый». В этот самый момент Седрик коротко рассмеялся, и против воли Трой подняла голову. Он по-прежнему смотрел на нее не отрываясь. В руках у него появился жадеитовый портсигар.

– Курите? – спросил он.

Решив, что отказ вызовет еще какую-нибудь необычную сцену, она взяла сигарету. Он молча помог ей прикурить и вновь отодвинулся в угол.

В конце концов так или иначе, но общий язык с ним придется находить, подумала Трой и сказала:

– Не кажется ли вам, что сегодня научились брать удивительно верную ноту в популярных рисунках? Подумать только, что это было раньше! Несомненно, коммерческое искусство...

– Чистое проституирование! – перебил ее Седрик. – Именно так. Если позволите сказать, первородный грех – это так забавно.

– А для театра вы не работаете?

– Очень мило с вашей стороны поинтересоваться, – довольно кисло ответил Седрик. – Ну, работаю. Дядя Томас время от времени ангажирует меня. Вообще-то я без ума от сценографии. Можно предположить, что, когда у тебя за спиной такой человек, как Старик, возможности открываются безграничные. Но беда в том, что нет его у меня за спиной. И это очень плохо. Меня вытеснил Инфант-Монстр. – Он немного повеселел. – Конечно, немного утешает то, что я – старший из внуков. В более или менее светлые минуты я говорю себе, что он не может вовсе вычеркнуть меня из завещания. А самый страшный кошмар – когда мне снится, что я унаследовал Анкретон. В этих случаях я всегда просыпаюсь с криком. Конечно, теперь, когда на горизонте появилась Соня, практически все может случиться. Вы слышали о Соне?

Трой заколебалась, и он продолжал:

– Она – маленький каприз Старика. Настоящая игрушка. Все никак не могу решить, полная она идиотка или нет, но боюсь, что нет. Другие готовы на части ее порвать, но я скорее подлизываюсь: а вдруг он женится на ней? Что скажете?

Интересно, подумала Трой, что это, родовая черта всех Анкредов мужского пола – исповедоваться перед совершенно незнакомыми людьми? Впрочем, сказал же Найджел Батгейт, что Седрик ужасен, и действительно, даже Томас... Трой вдруг задним числом подумала, как мил Томас в сравнении со своим племянником.

– И все же скажите, – вновь заговорил Седрик, – как вы собираетесь писать его? С насупленными бровями, в черном? Впрочем, как ни решите, всяко будет здорово. Вы позволите мне хоть одним глазком глянуть, как вы работаете, или у вас насчет этого строго?

– Боюсь, довольно строго, – сказала Трой.

– Так я и думал. – Седрик выглянул в окно и тут же стиснул голову руками. – Подъезжаем. Я каждый раз готовлю себя к встрече и каждый раз думаю, что будь тут проходящий поезд, я бы с криком бросился назад, в Лондон. Сейчас покажется. Невыносимо. О Боже! Чтобы на такой ужас глядеть!

– Да в чем дело-то?

– Смотрите! – вскричал Седрик, закрывая глаза ладонью. – Смотрите! Замок Катцен-аммер¹⁴!

Трой выглянула в окно. Милях в двух от железной дороги, на гребне холма, в полной своей красе возвышался Анкретон.

¹⁴ Букв. – кошачий концерт (*нем.*). В метафорическом смысле – похмелье. Также название известного бара-кабаре в Амстердаме.

Глава 3

Анкретон

I

Удивительное это было сооружение. Некий викторианский архитектор, воодушевляемый и всячески поддерживаемый тогдашним Анкретоном, снес дом, построенный еще во времена королевы Анны, и воплотил на его месте и из тех же самых материалов самые экзотические свои фантазии. Анкретон не соответствовал ни одному из архитектурных стилей и не принадлежал ни к какому периоду. Шишковатый фасад его представлял собой смесь готики, барокко, рококо и норманнской архитектуры. Причем в равных пропорциях, подобно жировикам, на каждом углу выдавались башенки. Башни же вырастали из стен, украшенных множеством зубцов. Бойницы исподтишка шурились на пораженные базедовой болезнью окна эркеров, а из черепичной мозаики крыши поднимался лес разноцветных дымоходов. Фоном всему этому сооружению служило не небо, а густая чаща вечнозеленых деревьев, ибо за Анкретонским гребнем поднимался еще один, более крутой холм, склоны которого пышно поросли хвоей. Быть может, строительство этого монстра исчерпало воображение того давнего представителя рода Анкретонов, и он почти не тронул правильную геометрию садов и густых посадок, что были разбиты здесь в традиции Джона Ивлина¹⁵. Эти последние, храня свою изначальную цельность, по-прежнему незаметно направляли взгляд наблюдателя в сторону дома, и в их беззаконном здесь существовании ощущалась рабская покорность слепой судьбе.

Вскоре замелькавшие за окном деревья заслонили от Трой вид замка. Через минуту-другую поезд торжественно остановился на крохотной станции Анкретон-Холт.

– Ну, такие минуты пропустить, конечно, нельзя, – пробормотал Седрик, и оба они, освещаемые лучами зимнего солнца, вышли на платформу.

Там стояли двое – молодой человек в мундире лейтенанта и высокая девушка. Это была привлекательная пара, да и походили они чем-то друг на друга – оба голубоглазые, смуглые, худощавые. Они двинулись навстречу приезжим, молодой человек прихрамывал и опирался на палку.

– А-а, это вы, – пробурчал Седрик. – Анкреды стройными рядами. Привет, ребята.

– Привет, Седрик, – без особого энтузиазма откликнулись встречающие, и девушка быстро и радушно протянула Трой руку.

– Это моя кузина Фенелла Анкред, – вяло проговорил Седрик. – А наш воин – тоже кузен, Пол Кентиш. Мисс Агата Трой. Или мне следовало бы представить вас как миссис Аллейн? Такая морока, право.

– Хорошо, что вы приехали, – сказала Фенелла Анкред. – Дед места себе не находит, на десять лет помолодел. У вас большой багаж? Если да, то доставим в два приема, или вы предпочитаете прогуляться вверх по холму? А то у нас только двуколка, на которой гувернантка ездит, а Росинант старенький.

– Прогуляться! – слабо вскрикнул Седрик. – Ты что, дорогая Фенелла, совсем с ума сошла? Мне – прогуляться? Росинант (позволь, к слову, заметить, что кличка этого животного кажется мне немыслимым капризом), так вот, Росинант повезет меня наверх, пусть даже это будет его последнее сознательное действие.

¹⁵ Автор ряда книг о лесоводстве, приближенный короля Якова II.

– У меня два чемодана, ну и все, что нужно для работы, а это тяжесть немалая, – сказала Трой.

– Ладно, разберемся, – бросил Пол Кентиш, с раздражением поглядывая на Седрика. – Пошли, Фен.

Студийный мольберт Трой и тяжелые вещи пришлось оставить в станционном помещении – попозже, вечером, их доставит носильщик, – а ее выдавшую виды ручную кладь и зеленые чемоданы Седрика поместили в двуколку, и сами устроились поверх багажа. Упитанная белая лошадка засеменила по узкой дорожке.

– До ворот в усадьбу миля, – сказал Пол Кентиш, – и еще столько же до дома. Фен, мы сойдем у ворот.

– Я бы не прочь прогуляться, – заметила Трой.

– В таком случае, – удовлетворенно кивнула Фенелла, – Седрику и вожжи в руки.

– Что я вам, кучер, что ли? – запротестовал Седрик. – Это существо может заупрямиться и встать или повернуться и укусить меня. Вам не кажется, что ведете себя по-свински?

– Сам не будь ослом, – отмахнулась Фенелла. – Спокойно доедешь до дома.

– А кто там? – отрывисто спросил Седрик.

– Как обычно. Через неделю на выходные приедет мама. Меня две недели не будет. А так – тетя Милли и тетя Полин. Это, – Фенелла повернулась к Трой, – мать Седрика и мать Пола. Боюсь, сначала вам трудно будет разобраться в наших родственных связях. Тетя Полин – это миссис Кентиш, мама – миссис Клод Анкред, а тетя Миллимент – миссис Генри Анкред.

– Генри *Ирвинг* Анкред, не забывай, – встрял Седрик. – Это мой покойный папа.

– Что касается нашей линии, то это все, – заключила Фенелла. – Да, еще Пэнти (Седрик застонал). Кэролайн Эйбл и школа в западном крыле. Тетя Полин, видите ли, опекает их. Там учителей катастрофически не хватает. Вот теперь все.

– Все? – вскричал Седрик. – Ты что же, хочешь сказать, что Соня уехала?

– Нет, она там. Я просто забыла, – бросила Фенелла.

– В таком случае, Фенелла, могу сказать лишь, у тебя есть совершенно завидная способность все забывать. Следующий раз ты скажешь, что с Соней все примирились.

– Какой смысл говорить об этом? – ледяным тоном заметил Пол Кентиш.

– А о чем же еще говорить в Анкретоне, только это и интересно, – возразил Седрик. – Лично я нахожу эту тему весьма интригующей. Всю дорогу обсуждал ее с миссис Аллейн.

– О Господи, Седрик, – дружно выдохнули Пол и Фенелла.

Седрик издал каркающий смешок, и наступило напряженное молчание. Ощущая некоторую неловкость, Трой наконец заговорила с Полом Кентишем. Приятный молодой человек, подумала она, серьезный, но доброжелательный, и не против поговорить о своей военной службе. Его ранило в ногу на итальянском фронте, и он все еще проходил курс лечения. Трой спросила, чем он собирается заняться после демобилизации. Пол слегка покраснел.

– Вообще-то я подумывал... словом, мне пришло в голову, а почему бы не послужить в полиции.

– Ничего себе, – присвистнул Седрик.

– Пол единственный среди нас, – пояснила Фенелла, – кто не хочет иметь ничего общего с театром.

– Я был не прочь остаться в армии, но теперь для этого не гожусь. Не знаю, может, и в полицию меня тоже не возьмут.

– Вам стоит поговорить с моим мужем, когда он вернется, – сказала Трой и тут же усомнилась, а так ли уж это понравится Аллейну.

– Здорово! – воскликнул Пол. – Это было бы просто замечательно, если вы действительно всерьез.

– Он просто мог бы подсказать, является ли хромота препятствием.

– Ну а я так просто счастлив, – заметил Седрик, – что у меня язва двенадцатиперстной кишки. Не надо даже притворяться храбрецом и силачом. Нет, я точно унаследовал характер Старика.

– А вы на сцену собираетесь? – повернулась Трой к Фенелле.

– Да, война кончилась, так что можно. Все это время я шофером работала.

– Фенелла, ты будешь играть экзотические роли, – снова вмешался в разговор Седрик, – а я буду шить тебе потрясающие костюмы. Классно, правда, когда – и если – я унаследую Анкретон, превратить его в эдакий совершенно особенный театр. Единственная загвоздка – а ну как Соня станет вдовствующей баронессой и тогда точно захватит все ведущие роли. Видит Бог, мне очень нужно хотя бы немного денег. Как думаешь, Фенелла, что тут можно придумать? Старика в колени бухнуться или к Соне подкатиться? Пол, ты ведь у нас такой специалист по обходным маневрам. Дай совет, дорогой.

– Ну, если принять во внимание, что ты зарабатываешь примерно вдвое больше, чем любой из нас...

– Чистая легенда. На какие-то жалкие гроши живу, уверяю тебя.

Белая лошадка флегматично дотрусила до конца аллеи, упирающейся прямо в ворота Анкретона, открывавшегося отсюда во всем своем великолепии. Отсюда, разрезая зелень террас и поднимаясь марш за маршем, бежала широкая тропа, ведущая к площадке перед домом. Проезжая дорожка поворачивала налево и терялась в лесу. Должно быть, очень богатая семья, подумала Трой, такое хозяйство содержать. Словно отвечая на ее мысли, Фенелла сказала:

– Отсюда и не скажешь, как далеко простираются сады, верно?

– А трудные дети все еще борются за победу фрейдистских идей? – осведомился Седрик.

– Работают, жизни радуются, – возразил Пол. – В этом году всю вторую террасу картошкой засадили. Да вон они, отсюда видно. – Действительно, Трой уже заметила на второй террасе стайку ребятишек.

– Картошка! – пробормотал Седрик. – Не иначе сублимация чего-то очень важного.

– Ну, есть ее им в любом случае нравится, – отрезала Фенелла.

– Вот и доехали, миссис Аллейн. Вам действительно хочется пройтись? Коли так, пошли по средней тропе, а Седрик доберется на двуколке.

Они соскочили на землю. Пол открыл массивные, с вензелем наверху, железные ворота, попутно заметив, что сторожка привратника используется сейчас под овощной склад. Седрик, перехватив вожжи с крайне недовольным видом, повернул налево, остальные трое начали подъем.

Дети пели – правда, эта песня больше походила на металлический скрежет, прорезающий осенний воздух.

Что ж, с песнею вперед,
Через моря, в поход,
Туда, где в Сакраменто
Девчонок целый взвод.

Преодолев второй марш, они слышали звонкий женский голос, перекрывающий голоса детей:

И раз, и два, и три-и-и. А ну-ка еще.
И раз, и два, и три-и-и.

На второй террасе около тридцати маленьких девочек и мальчиков в такт пению орудовали лопатами. Командовала ими, задавая ритм, молодая рыжеволосая женщина, одетая в

бриджи и свитер. Трой подошла как раз в тот момент, когда мальчишка в заднем ряду явно нарочно высыпал полную лопату земли на шею соседке. Та, продолжая пронзительно распевать куплет, развернулась и дала ему лопатой по заднице.

– И раз, и два, и три-и-и. Еще раз, – не умолкала молодая женщина, весело приветствуя взмахом руки Пола и Фенеллу.

– Подойдите-ка сюда! – крикнула Фенелла. Молодая женщина оставила своих подопечных и, широко шагая, направилась в их сторону. Пение продолжалось, но уже не так бодро. Она оказалась удивительно красива. Фенелла представила ее: мисс Кэролайн Эйбл. Она крепко встряхнула руку Трой, которая меж тем заметила краем глаза, что девочка повалила мальчишка на землю и, усевшись ему на голову, принялась методически покрывать ее грязью. Для этого ей пришлось снять с него забавную белую кепчонку. Трой заметила такие же и на других детях.

– Смотрю, вы их в строгости держите, а, Кэрл? – сказала Фенелла.

– Через пять минут заканчиваем. Очень хорошая штука, знаете ли. Они чувствуют, что приносят пользу. Делают что-то общественно важное, – пылко заявила мисс Эйбл. – И если вам удалось заставить этих детей, в особенности интровертов, заниматься таким делом, значит, шаг вперед вы уже сделали.

Фенелла и Пол, стоявшие к детям спиной, глубокомысленно кивнули. Мальчик, которому удалось сбросить с себя девочку, отважно пытался укунить ее за левую лодыжку.

– А как у них с головой? – серьезно осведомился Пол.

– Все по плану, – пожала плечами мисс Эйбл. – Завтра опять будет доктор.

Трой невольно вскрикнула: девочка завизжала так пронзительно, что голос ее перекрыл пение, которое немедленно остановилось.

– Э-э... по-моему, вам стоило бы взглянуть, – сказала Трой. Мисс Эйбл обернулась. Девочка изо всех сил старалась лягнуть своего противника, а тот упрямо не отпускал ее ногу.

– Пусти, ты, корова, – визжала девочка.

– Патриция! Дэвид! – крикнула мисс Эйбл и бросилась к ним. Остальные дети перестали копать и молча слушали, как два главных действующих лица, не отпуская друг друга, обмениваются взаимными обвинениями.

– Хотелось бы знать, – поинтересовалась мисс Эйбл, – с чего это вы затеяли драку?

Последовали невнятные объяснения. Судя по всему, мисс Эйбл все поняла и, к удивлению Трой, сделала две-три заметки в блокноте, поглядывая при этом на часы.

– Ну а теперь, – бодро продолжила она, – вы чувствуете себя гораздо лучше. Вы просто разозлились оба, и надо было выпустить пар, так? Но ведь вам же известно, что я могу предложить вам нечто лучшее, чем драка.

– Нет, не можете, – мгновенно откликнулась девочка и резко повернулась к противнику. – Я убью тебя. – С этими словами она вновь бросилась на него.

– А что, если, – перекрывая визг соперников, воскликнула мисс Эйбл, – что, если все мы положим лопаты на плечи и споем походную песню?

Девочка откатилась от противника, набрала полную ладонь грязи и яростно и точно швырнула ею в мисс Эйбл. У мальчика и еще нескольких детей этот смелый поступок вызвал взрыв смеха. Через секунду-другую мисс Эйбл смеялась вместе с ними.

– Вот чертовка, – пробормотал Пол. – Знаешь, Фенелла, я действительно думаю, что хорошая порка...

– Нет, нет, – перебила его Фенелла. – Это у нее метод такой. Слушай.

Никогда не унывающая мисс Эйбл говорила:

– Н-да, выгляжу я, надо полагать, довольно забавно. Ну а теперь, отчего бы нам не придумать какую-нибудь веселую игру? Двое на двое. Выбирайте себе пару.

Дети разбились по парам, а мисс Эйбл, стирая грязь с лица, присоединилась к троим зрителям.

– И как только вы управляетесь с Пэнти, – начал Пол.

– Да нет, все нормально, она слушается, – прервала его мисс Эйбл. – Это первая стычка за семь с половиной часов, и затеял ее Дэвид. Вот он, боюсь, плохо ладит с остальными. Патриция, – крикнула она, – уворачивайся. А ты, Дэвид, постарайся ее поймать. Надо по возможности направить агрессивные импульсы, – пояснила она, – в безопасное русло.

Они оставили ее энергично дирижировать игрой и пошли наверх. На четвертой террасе они столкнулись с высокой и исключительно красивой женщиной, одетой в твидовый костюм, фетровую шляпу и в массивные перчатки с крагами.

– Это моя мать, – сказал Пол Кентиш.

Миссис Кентиш приветствовала Трой довольно рассеянно.

– Вы ведь приехали писать портрет отца, верно? – осведомилась она, благосклонно кивнув на манер сценической вдовствующей герцогини. – Очень мило с вашей стороны. От души надеюсь, вам тут будет хорошо. Правда, в такие времена, как сейчас, никогда нельзя... – Она слегка оживилась. – Впрочем, вы ведь художник, и вряд ли вас удивит богемная обстановка... Она умолкла и повернулась к сыну: – Пол, милый, ну зачем ты стал пешком подниматься? А как же твоя бедная нога? Фенелла, дорогая, тебе не следовало позволять ему...

– Для ноги это только полезно, мама.

Миссис Кентиш покачала головой и посмотрела на покрасневшего сына.

– Ну прямо герой. – Ее мягкий голос слегка дрогнул, и Трой со смущением заметила, что глаза у нее наполнились слезами. – Настоящий троянец, – негромко проговорила миссис Кентиш. – Правда, Фенелла?

Фенелла неловко засмеялась, а Пол поспешно отвернулся.

– Куда это ты направлялась? – громко спросил он.

– Напомнить мисс Эйбл, что пора возвращаться. Эти бедные дети слишком много работают. Я не думаю... ладно, оставим это. Боюсь, мисс Аллейн, я довольно старомодна. Мне по-прежнему кажется, что лучшая воспитательница – это мать.

– Хорошо, хорошо, мама, – запротестовал Пол, – но ведь с Пэнти надо что-то делать, разве не так? Это ведь просто ужас какой-то.

– Бедняжка Пэнти, – горько вздохнула миссис Кентиш.

– Ладно, тетя Полин, нам, пожалуй, пора, – сказала Фенелла. – Седрик с минуты на минуту будет, он на двуколке. И насколько я его знаю, и пальцем не пошевелит, чтобы вещи распаковать.

– Седрик! – повторила миссис Кентиш. – Тью-ю!

Она одарила Трой величественной улыбкой и удалилась.

– Мама всегда волну гонит, правда, Фен? – неловко сказал Пол.

– Не только она, – кивнула Фенелла. – Такое уж это поколение. Папа вообще покоя себе найти не может, а тетя Десси – настоящий ураган. По-моему, они от деда унаследовали такой характер, как тебе кажется?

– Да, все, кроме Томаса.

– Все, кроме Томаса. Вам не кажется, – Фенелла повернулась к Трой, – что если в одном поколении бушуют чувства, то следующее бывает слишком сдержанным? Мы с Полом крепки, как железо, правда, Пол?

Трой посмотрела на молодого человека. Он не сводил глаз с кузины. Его темные брови сходились в одну линию, губы были крепко сжаты. Выглядел он чрезмерно торжественно и на вопрос ничего не ответил. «Так-так, – подумала Трой, – да ведь он влюблен в нее».

II

Интерьер Анкретона вполне соответствовал его фасаду. Трой предстояло усвоить, что слово «большой» является здесь ключевым. Большая западная роща, большая галерея, большая башня. Перейдя через большой висячий мост над ныне пересохшим и используемым под пашню рвом, Трой, Фенелла и Пол оказались в большом зале.

Здесь неутомимая фантазия архитектора затеяла игры с елизаветинской эпохой. Переизбыток причудливой резьбы, множество витражей с геральдикой Анкредов, несколько параллельных перекладин, а между ними – там и тут мифические животные в самых разных позах. Когда мифология и геральдика исчерпывали свои возможности, на смену им приходила церковь: фамильные крестики в тесном соседстве с ключами святого Петра и крестом святого Иоанна создавали причудливую мозаику. В глубине зала, лицом к входу, тянулась галерея менестрелей, четко расчерченная знаменами, висящими на одинаковом расстоянии друг от друга. Под ними, на стене, полностью закрытой всякого рода грамотами и орнаментом, и должен, как пояснила Фенелла, расположиться портрет. Трой сразу же отметила, что при дневном свете на нем, как на шахматной доске, отразятся цвета витражной геральдики, и портрет будет походить на ребус. Ночью, по расчетам Пола, его будут освещать четыре фонаря, специально установленные под галереей.

В зале и так висело довольно много портретов. Внимание Трой привлекло огромных размеров полотно XVIII столетия над камином, с изображением Анкреда-моряка, грозящего абордажной саблей потоку света, исходящему от сверкнувшей молнии. Моряк выглядел так, будто сам и породил эту молнию. Под полотном, устроившись в просторном кресле и греясь у огня, сидел Седрик.

– Багажом люди занимаются, – сказал он, с трудом поднимаясь на ноги, – а лошадь отвел кто-то из младших старцев. А другой понес краски миссис Аллейн в ее недостижимое орлиное гнездо. Присаживайтесь, миссис Аллейн, прошу вас. Вы, должно быть, на ногах едва держитесь. Мама скоро будет. Выход Старика запланирован на восемь тридцать, так что у нас еще полно времени, чтобы расслабиться. По моей просьбе Хранитель Старины сейчас принесет чего-нибудь выпить. От имени моей странной семейки – добро пожаловать в Замок Катценхаммер.

– А может, сначала хотите посмотреть свою комнату? – предложила Фенелла.

– Только позвольте предупредить, – добавил Седрик, – что этот осмотр потребует еще одного крутого и трудного подъема. Куда ее поместили, Фенелла?

– В комнату «Сиддонс»¹⁶.

– Примите мои глубокие соболезнования, хотя, конечно, выбор можно понять. Стальная гравюра этой исключительно развитой физически актрисы в роли леди Макбет висит, если не ошибаюсь, над раковиной, так, Фенелла? Я живу в «Гаррике»¹⁷, довольно симпатичная комната, особенно в крысиный сезон. Ну, вот и Хранитель Старины. Давайте, право, на посошок перед тем, как вы отправитесь в свою полярную экспедицию.

Зал пересекал очень старый слуга с подносом, уставленным бокалами.

– Баркер, – слабо произнес Седрик, – вы благоухаете, как цветы весной.

– Благодарю вас, мистер Седрик, – поклонился старик. – Мисс Фенелла, сэр Генри приветствует вас и выражает надежду, что будет иметь удовольствие увидеть вас за ужином. Сэр Генри также выражает надежду, что поездка миссис Аллейн прошла благополучно.

¹⁶ Сара Сиддонс (1755–1833) – английская актриса.

¹⁷ Дэвид Гаррик (1717–1779) – знаменитый исполнитель шекспировских ролей и театральный антрепренер.

Трой заверила, что так оно и было, и подумала, что, может, следует ответить в том же церемонном духе. Седрик, чуть ли не впервые проявляя такую живость, принялся смешивать коктейли.

– Есть в замке Катценйаммер одно помещение, которое по душе всем, и это погреб. От души благодарю вас, Баркер. Сам Ганимед не справился бы со своей задачей лучше вас.

– Должен сказать, Седрик, – заметил Пол, дождавшись, пока старый дворецкий удалится, – что твои упражнения в остроумии не кажутся мне такими уж смешными.

– Дорогой Пол! Правда? Я просто убит.

– Он старый человек, – поспешно сказала Фенелла, – и большой друг.

Седрик бросил на обоих своих кузенов уничтожающий взгляд.

– Ну вы и феодалы. *Noblesse oblige*. С ума сойти!

В этот момент, к немалому облегчению Трой, в зал через боковую дверь вошла улыбающаяся полная дама. За ее спиной Трой успела разглядеть огромную гостиную в классическом стиле.

– Это моя матушка, – пояснил Седрик, слабо помахивая рукой.

Миссис Генри Анкред была крепко сложенная, со светлой кожей женщина. Ее выцветшие волосы были аккуратно уложены и несколько напоминали парик. Трой она показалась немного похожей на директрису дорогого пансионата или, возможно, школы. Голос у нее был необыкновенно глубокий, а ноги и руки необыкновенно велики. В отличие от сына рот у матери великоват, а вот глаза и подбородок похожи. На ней была удобная блуза, шерстяная кофта на пуговицах без воротника и темная юбка. Она обменялась с Трой сердечным рукопожатием. Сильная женщина.

– Я так рада, что вы согласились приехать, – заговорила она. – Мой свекор так разволновался, просто места себе не находит, теперь ему будет чем занять себя.

– Мама! – слабо вскрикнул Седрик. – Ну что ты, право, как можно! – Он повернулся к Трой со страшной гримасой.

– Что, я что-нибудь не так сказала? – удивилась его мать. – А впрочем, похоже на меня! – И она от души рассмеялась.

– Да нет, все нормально, – поспешно сказала Трой, не обращая внимания на Седрика. – Остается надеяться, что сеансы не слишком утомят сэра Генри.

– О, если устанет, он скажет вам, – заверила ее Миллимент Анкред, и Трой сделалось не по себе. Она увидела полотно шесть на четыре фута, которое должно быть написано за две недели, а натурщик всегда готов сказать, что устал позировать.

– Ладно, – пронзительно проверещал Седрик. – Давайте выпьем!

Они расселись перед огнем, Пол и Фенелла – на диване, Трой напротив них, а Миллимент Анкред на стуле с высокой спинкой. Седрик подтащил свое кресло поближе к матери, свернулся на нем и положил руку ей на колени. Пол и Фенелла смотрели на него с почти нескрываемым отвращением.

– Ну, чем занят в последнее время, сынок? – спросила Миллимент и положила свою сильную белую ладонь ему на плечо.

– Да так, то одно, то другое, устаю очень, – вздохнул он и потерся щекой о ее руку. – Расскажи лучше, что здесь предполагается. Только что-нибудь повеселее и поинтереснее. Например, про прием в честь миссис Аллейн. Пожалуйста. Ты ведь захочешь его устроить, правда? – настаивал он, одновременно просительно поглядывая на Трой. – Скажи, что захочешь!

– Я приехала сюда работать, – сказала Трой резче, чем хотела, потому что он заставил ее испытать неловкость. «Черт! – выругалась она про себя. – Это прозвучало так, будто я решила, что Седрик говорит всерьез».

Но Миллимент снисходительно рассмеялась.

– Миссис Аллейн будет с нами на день рождения, – сказала она, – и ты тоже, дорогой, если только сможешь задержаться на десять дней. Так как, сможешь?

– Да, да, – засуетился Седрик. – Офис приводят в порядок. Всю скучную бумажную работу я взял с собой. Только вот день рождения! Какая невыразимая тоска, право. Дорогая Миллимент, вряд ли я перенесу еще один день рождения.

– Ну вот, расхныкался, – прогудела Миллимент.

– Давайте еще по одной, – громко сказал Пол.

– Тут кто-то о выпивке говорит? – донесся с галереи чей-то голос. – Хорошо! Славно! Славненько!

– О Боже, – прошептал Седрик, – Соня!

III

К тому времени в зале уже сделалось темно, и поначалу мисс Соня Орринкорт произвела на Трой впечатление бледного призрака, слетающего вниз по лестнице. Спуск сопровождался беспрестанным чириканьем. Когда Соня ступила на пол и пошла через зал, Трой заметила, что одета она словно для второго акта какой-нибудь музыкальной комедии. Трой показалось, что на ней пеньюар.

– Ничего себе, – пропищала мисс Орринкорт, – смотрите-ка, кто явился. Седди! – Она протянула Седрику обе руки, и он накрыл их ладонями.

– Роскошно выглядишь, Соня! – воскликнул он. – Где это ты раздобыла такое?

– Милый, да этому платью тысяча лет. О, прошу прощения, – мисс Орринкорт повернулась к Трой. – Я и не заметила было...

Миллимент холодно представила ее. Фенелла и Пол отошли от дивана, и на него плюхнулась мисс Орринкорт. Она вытянула руки и сплела пальцы.

– Ну, живо, живо, живо! – по-детски залепетала она. – Соня хочет стаканчик.

Волосы у нее были почти как у альбиноса. Они бахромой накрывали лоб и шелковым занавесом падали на плечи, смутно напоминая Трой аквариум, увиденный изнутри. Глаза у нее были круглые, как блюда, с загибающимися черными ресницами. При улыбке ее верхняя губа уплощалась, уголки рта загибались вниз, и к подбородку сбегала тень будущих морщинок. Кожа у нее была белая и тугая, как лепестки камелии. В общем, если посмотреть со стороны, – ослепительная молодая женщина, и рядом с ней Трой почувствовала себя безнадежной замухрышкой. «Наверное, с нее хорошо рисовать обнаженную, – подумала она. – Интересно, приходилось ли ей бывать натурщицей? Похоже на то».

Мисс Орринкорт и Седрик оживленно болтали, но оживление было явно наигранным. Фенелла и Пол отошли в сторону, и Трой осталась с Миллимент Анкред, заговорившей о трудностях ведения домашнего хозяйства. Попутно она наносила стежки на какую-то гигантскую вышивку, потрясшую Трой своей монструозной цветовой гаммой и фантастическим рисунком. Извиваясь, на ней сплетались удивительные завитки, похожие на червей. Ни один дюйм замысловатой работы Миллимент не оставался пустым, ни одна тема не обрывалась другой темой. Временами Миллимент останавливалась и самодовольно поглядывала на дело рук своих. Голос ее звучал монотонно.

– Полагаю, мне повезло, – говорила она. – В моем распоряжении имеется кухарка и пять служанок, не говоря уж о Баркере, только все они очень стары, и всех мы наскребли в разных уголках нашей большой семьи. Моя золовка Полин, ну, миссис Клод Анкред, во время эвакуации оставила свой дом и с недавнего времени поселилась здесь вместе с двумя своими суданками. Дездемона – то же самое, Анкретон – это ее штаб-квартира. Она привезла с собой свою старую нянюку. Что касается Баркера и остальных, они всегда жили с нами. Но, даже учиты-

вая, что западное крыло отдано под школу, все равно трудно. В прежние времена, конечно, – с некоторым самодовольством заметила Миллимент, – здесь было всегда полно народа.

– Ну и как, уживаются? – рассеянно спросила Трой. Она посматривала на Седрика и мисс Орринкорт. Он явно взял на вооружение тактику ухаживания, и на глазах у Трой развивался легкий, но совершенно искусственный флирт. Оба говорили шепотом.

– Да нет, – говорила Миллимент. – Все время цапаются. – И неожиданно добавила: – Как хозяин и работник, так, кажется, говорят? – Трой посмотрела на нее. Миллимент улыбалась, широко и безучастно... «Эти люди, – подумала Трой, – все время отпускают замечания, на которые нечего ответить».

В зал вошла Полин Анкред, она присоединилась к своему сыну и Фенелле. Сделала она это с некоторым вызовом, а улыбка, посланная Фенелле, означала, что та может быть свободна.

– А я ищу тебя, дорогой, – сказала она Полу. Фенелла сразу пересела. Полин подняла к глазам лорнетку, движением, которое было бы совершенно уместно в спектакле по пьесе Конгрива, и посмотрела на мисс Орринкорт, раскинувшуюся на кушетке. Седрик примостился возле ее ног на подлокотнике.

– Сейчас стул принесу, мама, – поспешно сказал Пол.

– Спасибо, дорогой. – Полин обменялась взглядом с золовкой. – Я и впрямь не прочь посидеть. Нет, нет, миссис Аллейн, пожалуйста, не беспокойтесь. Очень любезно с вашей стороны. Спасибо, Пол.

– Мы с Нодди, – зашебетала мисс Орринкорт, – здорово проводим время. Старые драгоценности разглядываем. – Она закинула руки за голову и незаметно зевнула.

«Нодди? – подумала Трой. – Это еще кто такой?» За репликой мисс Орринкорт последовало краткое, но довольно угрюмое молчание.

– Он сам не свой из-за этой картины, – добавила мисс Орринкорт. – Потрясающе, верно? Полин Анкред с достоинством переменила позу, так чтобы увидеть свою золовку.

– Ты сегодня днем папу видела, Миллимент? – спросила она не так чтобы слишком приветливо, но явно приглашая сомкнуть ряды против общего противника.

– Поднялась наверх, как обычно, в четыре, – ответила Миллимент, – посмотреть, не нужно ли ему чего. – Она перевела взгляд на мисс Орринкорт. – Но он был занят.

– Тью-ю, – пропела Полин, сплетая и расплетая пальцы. Миллимент мимолетно, но многозначительно усмехнулась и повернулась к Трой.

– Не знаю, – бодро заговорила она, – все ли вам Томас объяснил насчет портрета моего свекра. Он хочет, чтобы вы писали его в его собственном здешнем театре. Повесят задник, а насчет освещения Пол знает, что к чему. Папá хотел бы начать завтра в одиннадцать утра, и если все будет в порядке, работать по часу утром и днем.

– Мне тут пришло в голову, – сказала мисс Орринкорт, – здорово было бы изобразить Нодди на коне.

– Не сомневаюсь, – сказала, не глядя на нее, Миллимент, – что сэр Генри сам все решит насчет позы.

– Однако же, тетя Милли, – заговорил Пол, сильно покраснев, – миссис Аллейн может... то есть... не кажется ли тебе...

– Да, да, тетя Милли, – поддержала его Фенелла.

– Ну да, Милли, право, – подхватил Седрик. – Я совершенно согласен. Пожалуйста, ну пожалуйста, Милли, и ты, тетя Полин, и ты, Соня, ангел мой, пожалуйста, подумайте, что это уж мисс Аллейн решать... О Господи, – умоляюще продолжал Седрик, – прошу вас, подумайте об этом.

– Да нет, – возразила Трой, – мне было бы очень интересно узнать мнение сэра Генри.

– Ну вот и прекрасно, – сказала Полин. – Да, Миллимент, Десси написала, что она приезжает на день рождения.

- Хорошо, что ты мне сказала, – без всякого воодушевления заметила Миллимент.
- И мама тоже, тетя Милли, – сказала Фенелла. – Забыла предупредить.
- Так-так, – усмехнулась Миллимент, – и все-то я узнаю последней.
- Что? Дженетта приезжает? Интересно! – воскликнула Полин. – По-моему, ее уж года два как в Анкретоне не было. Надеюсь, с суровыми нравами нашей берлоги она сумеет примириться.
- Учítывая, что живет она в двухкомнатной квартире, – порывисто заговорила Фенелла и тут же осеклась. – Она надеется, что никого не стеснит.
- Я переберусь из «Бернар»¹⁸ в «Брейсгердл»¹⁹, – предложила Полин. – Это уж само собой.
- Вот уж это точно нет, – запротестовала Миллимент. – В «Брейсгердл» холодно, как на северном полюсе, течет потолок и ко всему прочему крысы. Дездемона в последний раз, как была здесь, сильно жаловалась на крыс. Я попросила Баркера, чтобы он отраву рассыпал, но она потерялась. Пока не найдется, «Брейсгердл» – нежилое помещение.
- Мама может остановиться в «Дузе»²⁰, вместе со мной, – поспешно предложила Фенелла. – Нам там вдвоем будет удобно, да и на дровах сэкономим.
- Ну, это вообще самое лучшее, – в один голос сказали Полин и Миллимент.
- Миссис Аллейн, – громко сказала Фенелла, – я иду переодеться. Хотите посмотреть свою комнату?
- Спасибо. – Трой постаралась не выказать радости. – Спасибо, с удовольствием.

IV

Поднявшись по лестнице и пройдя за Фенеллой, ни разу за все это время не открывшей рта, через бесконечную галерею и два длинных коридора, а затем взобравшись по крутой винтовой лестнице, Трой очутилась перед дверью, на которой висела деревянная табличка с названием «Сиддонс». Фенелла открыла дверь, и Трой сразу порадовали языки пламени, отражение которых трепетало на белой стене. Бледно-розовые занавески с небольшими гирляндами, овечья шкура на полу, низкая кровать. Над умывальником, естественно, портрет миссис Сиддонс. Мольберт, краски и все остальное, что привезла с собой Трой, было свалено в углу.

- Славная комнатка, – сказала Трой.
- Рада, что вам понравилось, – сдавленным голосом сказала Фенелла. Трой с удивлением обнаружила, что она едва сдерживает ярость. – Извините, – Фенелла даже запнулась, – извините за весь этот зверинец.
- Да ну, о чем тут говорить.
- Они что, не понимают, как им повезло с вами! Не понимают, что им повезло, даже если бы вы решили изобразить дедушку стоящим на голове с чесноком, растущим из подошв ботинок. Нет, что за наглость! Даже этому жуткому типу Седрику стыдно стало.
- Да бросьте вы, – отмахнулась Трой. – Все нормально. Вы и представления не имеете, какие фокусы выкидывают люди, когда речь заходит о портретах.
- Ненавижу! А видели, как они когти выпустили, когда слышали, что мама приезжает? Нет, я действительно считаю, что старухи – это настоящие вонючки. А эта сучка Соня? Лежит, понимаешь, и упивается всем происходящим. Как они могут, у нее на глазах?! Нам с Полом было так совестно.

¹⁸ Сара Бернар (1845–1923) – французская актриса.

¹⁹ Возможно, имя главной героини фильма английского режиссера Эдвина Гринвуда «Мисс Брейсгердл выполняет свой долг» (1926).

²⁰ Элеонора Дузе (1859–1924) – итальянская актриса.

Фенелла пристукнула каблуком, опустилась на колени перед камином и залилась слезами.

– Извините, – всхлипывала она, – я еще хуже остальных, но меня уже просто тошнит от всего этого. Напрасно я приехала в Анкретон. Ненавижу Анкретон. Знали бы, что это такое.

– Слушайте, – мягко заметила Трой, – вы уверены, что хотите говорить на эту тему именно со мной?

– Я знаю, это ужасно, но ничего не могу с собой поделать. Вот что бы вы ощутили, если бы ваш дед привел домой какую-нибудь гнусную блондинку? А? Что бы сказали на это?

Перед глазами Трой мелькнул ее дед, ныне покойный. Это был суровый и несколько педантичный профессор.

– Он в посмешище превратился, – рыдала Фенелла. – А я ведь, я так любила его. Теперь это просто глупец. Глупый влюбчивый старик. И сам себя так ведет, но мало того, когда я... когда я... ладно, не важно. Извините меня, ради Бога. Это ужасно, что я себе позволяю.

Трой присела на низкий стул подле камина и задумчиво посмотрела на Фенеллу. Девочке и впрямь плохо, подумала она, отметив попутно, что уже подвергает сомнению истинность переживаний Анкредов.

– Да не терзайте себя, ничего ужасного и ничего такого особенного вы себе не позволяете. Только не надо говорить то, за что вы сами себя клясть будете, когда мы снова столкнемся.

– Ладно. – Фенелла разогнулась.

«У нее счастливая способность, – подумала Трой, – выглядеть такой симпатичной, когда плачет». Фенелла откинула голову, прикусила губу и взяла себя в руки. «Хорошей актрисой будет, – подумала Трой и тут же одернула себя. – Если девочка умеет так славно огорчаться, с чего это я взяла, что она играет, а не подавлена на самом деле? Что, мне не хватает сочувствия?» Она прикоснулась к ладони Фенеллы, хотя ей это было совершенно несвойственно. Та сразу откликнулась на порывистое рукопожатие.

– А ведь вы вроде сказали сегодня, – заговорила Трой, – что молодое поколение Анкредов твердо, как железо.

– Стараемся. Просто вы такая славная, вот я и распустилась. Больше не буду.

«Дай-то Бог», – подумала Трой, а вслух сказала:

– Не важно, потому что, боюсь, толку от меня мало. Мой муж говорит, я бегу от любых переживаний как черт от ладана. Но если угодно, можете и впредь выпускать пар.

– Да нет, довольно, пока, во всяком случае, – серьезно сказала Фенелла. – Вы ангел. Ужин в половине девятого. Вы услышите гонг. – Она направилась к двери. – Понимаете, сейчас в Анкретоне происходит нечто ужасное. Сами увидите. – И Фенелла аккуратно прикрыла за собой дверь, подчиняясь привычке уходить вежливо.

Глава 4

Сэр Генри

I

Фенелла была слишком возбуждена и забыла познакомить гостью с расположением комнат. Вот Трой и пришлось гадать, где найти ближайшую ванную комнату, – наверху другой башни или в конце одного из бесконечных коридоров. Не будешь же дергать расшитый шнур звонка и заставлять карабкаться наверх кого-нибудь из престарелых служанок. Трой решила отказаться от ванны в пользу миссис Сиддонс с ее умывальником и стоящим рядом с ним викторианским бачком с теплой водой.

До ужина оставался еще час. Приятно было после строго ограниченного топливного рациона Тэтлер-Энда неторопливо переодеться перед щедрым пламенем камина. Трой длила удовольствие, перебирая в уме события минувшего дня и приводя в порядок впечатления от Анкредов. Самый славный во всей компании, решила она, чужак Томас, хотя и двое молодых довольно приятны. Понимают ли они друг друга, и как к этому относится сэр Генри? И если относится плохо, не этим ли объясняется эмоциональный взрыв Фенеллы? Что касается остальных, то Полин, кажется, все пренебрегают, Миллимент – личность непонятная, а ее Седрик просто ужасен. Ну и, наконец, Соня. Трой даже захихикала. Соня несколько глуповата.

Где-то снаружи, на холоде, часы глухо пробили восемь. Камин догорел. Можно отправляться в зал. Трой пошла вниз по витой лестнице, гадая, кто живет в комнате на площадке. Ориентировку она потеряла сразу. Дойдя до первого же из длинных коридоров, она решительно не могла выбрать направление, куда идти – налево или направо. В обе стороны расстился темно-красный ковер, на который, через равные промежутки, падал свет канделябров, выполненных под старину. «Ну ладно», – подумала Трой и повернула направо. Она миновала четыре двери, каждую с обозначением: «Дузе» (здесь жила Фенелла), «Бернар» (Полин), «Терри»²¹, «Леди Банкрофт» и, ближе к концу коридора, несчастная «Брейсгердл». Трой не помнила, чтобы эти названия попадались ей на пути в башню. «Черт! – подумала она. – Сбилась-таки». Но неуверенно пошла вперед. В каком-то месте коридор обрывался поворотом под прямым углом, и в дальнем конце этого нового коридора Трой увидела подножие лестницы – такой же, как и у нее в башне. Бедняга Трой была убеждена, что точно такая же перспектива открывалась перед ней на прямом пути. «А что, если, – подумала она, – я попала на противоположную сторону? Снаружи этот чертов замок походит на четырехугольник с башней посередине в конце каждого крыла. В таком случае, если я буду идти все время налево, должна попасть назад, в картинную галерею».

Пока она рассуждала таким образом, дверь у подножия лестницы приоткрылась и в коридор выплыл роскошный кот.

Белый, пушистый, с полосой поперек спины и янтарными глазами, он остановился и внимательно посмотрел на Трой. Затем, слегка помахивая хвостом, неторопливо двинулся в ее сторону. Она наклонилась и протянула руку. Поразмыслив немного, кот приблизился, изучающе оглядел ее ладонь, ткнулся в нее своим холодным носом и продолжил путь, ступая посредине красного ковра и по-прежнему элегантно помахивая хвостом.

²¹ Эллен Алисия Терри (1848–1928) – английская актриса.

– И еще одно, – послышался резкий голос из-за открытой двери. – Если ты думаешь, что я собираюсь болтаться здесь, как какая-нибудь жалкая актрисуля из массовки, а семья пусть считает меня подстилкой, то ты глубоко ошибаешься.

В ответ что-то пробасили, слов Трой не разобрала.

– Да, знаю, но это ничего не меняет. Никому не позволено считать меня ниже себя. Со мной обращаются так, словно я в стриптизе всякие штуки проделывала. Я терплю это просто потому, что не хочу, чтобы думали, будто это меня задевает. Да кем они себя воображают? Господи, неужели им кажется, что это такое уж счастье – жить в мавзолее вместе с парой старух и детьми, которых надо бы назвать «бандой сумасшедших»?

Снова чьи-то невнятные увещевания.

– Знаю я, знаю, знаю. В этой мусорной куче так светло и весело, что удивительно еще, как все мы со смеха не умерли. Если ты такой же полоумный, как все тут, то отправь меня куда-нибудь, где я могла бы уважать себя... Ты должен... После всего того, что я для тебя сделала... Мне плохо, очень плохо... И не надо доводить меня, Нодди, предупреждаю. – Дверь открылась чуть шире.

Трой, застывшая словно статуя, приподняла юбки и почти побежала по длинному коридору в противоположную сторону.

II

На сей раз она благополучно добралась до галереи и спустилась вниз. В зале она столкнулась с Баркером, который проводил ее в необъятную гостиную, показавшуюся Трой театральной сценой, где разыгрывается эпизод из «Виктории Регины». Из цветов преобладали алый, белый и золотой, из тканей – дамаст и бархат. На стенах – гигантские полотна Лидера и Макуайтера. На столах и на застекленных шкафчиках, беспорядочно расставленных по всей комнате, – обрамленные серебром фотографии королей сцены. На трех изображен сэр Генри в различные периоды своей театральной биографии, на четвертой он же – в придворном платье. В такой одежде люди обычно чувствуют себя довольно глупо, но сэр Генри был полон уверенности и достоинства, на мгновение Трой даже показалось, что он изображен в одной из своих ролей. Но, приглядевшись к бесспорно виндзорскому по своему происхождению костюму, она поняла, что ошибается. «Ничего себе, – подумала Трой, вглядываясь в фотографию, – какие формы, и все без обмана».

Она начала обход гостиной и обнаружила немало интересного. Под стеклянной крышкой антикварного столика были разложены грамоты, миниатюры, награды, несколько дорогих безделушек, подписанная программа театральной премьеры и, как ни странно, небольшая книга, по виду старинная, переплетенная в телячью кожу, с четким тиснением. Трой была из тех, кто, увидев отдельно лежащее печатное издание, непременно должен прикоснуться к нему. Крышка была не заперта. Она подняла ее и открыла книгу. Буквы изрядно выцвели, и Трой пришлось наклониться, чтобы разобрать название (на староанглийском). «Старинное искусство бальзамирования трупов, – читала она. – С приложением рассуждения об изготовлении жидкостей, позволяющих консервировать тела усопших».

Автор – Уильям Херсл, профессор физики, Лондон.

Отпечатано Робертом Уайтом по заказу Джона Крэмпса в 1678 году. Жутковатый текст. В первой же главе предлагались различные способы «овладения искусством консервации усопших в максимально живом виде. Далее, – продолжал автор, – будет отмечено, что разновидности мышьяка, отличаясь некоторыми химическими различиями, производят одинаковое воздействие на всех». Самый устрашающий пассаж касался «использования косметических средств для сокрытия отталкивающей бледности смерти».

«Каким складом ума должен обладать человек, – думала Трой, – который с таким хладнокровием, даже удовольствием, рассуждает о манипуляциях над мертвым телом, не задумываясь, что и его ждет смерть – может быть, совсем скоро. Интересно, читал ли эту книгу сэр Генри Анкред? Страдает ли он избытком воображения или, наоборот, его недостатком? А впрочем, я-то зачем читаю эту жуткую книжонку?»

Трой услышала доносящиеся из зала голоса и с инстинктивным ощущением вины поспешно захлопнула книгу, а за ней и крышку стола. Вошла Миллимент. На ней было удобное неброское вечернее платье.

– Я тут исследованиями занималась, – сказала Трой.

– Исследованиями? – неопределенно усмехнулась Миллимент.

– Я говорю об этой страшной книжке, там в ящике. Как увижу книгу, удержаться не могу, вот и сейчас, извините, открыла крышку. Надеюсь, это не возбраняется?

– Ах вон оно что, – кивнула Миллимент. – Да нет, пожалуйста. А что за книга?

– О бальзамировании трупов и все остальное в этом роде. Книга очень старая и довольно ценная, наверное.

– Скорее всего поэтому мисс Орринкорт и проявила к ней такой интерес. – Миллимент с высокомерно-пренебрежительным видом направилась к камину.

– Мисс Орринкорт? – повторила Трой.

– На днях я застала ее читающей книгу. Когда я вошла, она положила ее на место и захлопнула крышку. С диким грохотом. Странно еще, что стекло не разбилось. Наверное, та самая книга и была.

– Ну да, – сказала Трой, поспешно пытаясь привести в систему свои довольно беспорядочные мысли о мисс Соне Орринкорт. – Скорее всего так.

– Папá нынче вечером не в лучшей форме, – продолжала Миллимент, – но он спустится. Обычно, когда он чувствует себя неважно, он ужинает в своих покоях.

– Надеюсь, сеансы не слишком утомят его, – сказала Трой.

– Ему так не терпелось начать работу, что, уверена, он приложит все силы, чтобы все было в порядке. В последнее время ему намного лучше, лишь иногда, – как-то двусмысленно добавила Миллимент, – он впадает в некоторую депрессию. Вообще-то, знаете ли, он человек взвинченный и ранимый. По-моему, все Анкреды таковы. За исключением Томаса. К сожалению, и мой бедный Седрик унаследовал семейный характер.

На это Трой было нечего сказать, и она почувствовала облегчение, когда в комнату вошли Пол Кентиш с матерью, а вскоре следом за ними и Фенелла. Баркер принес херес, и тут же в зале как-то особенно зловеще прозвучал гонг.

– Седрика никто не видел? – осведомилась его мать. – От души надеюсь, что он не опоздает.

– Когда десять минут назад я постучал к нему, он все еще принимал ванну, – сказал Пол.

– О Боже, – вздохнула Миллимент.

В комнату вплыла мисс Орринкорт. Одета она была экстравагантно и выглядела одновременно угрюмо, победительно и вызывающе. Трой услышала за спиной сдвоенное восклицание и повернулась, перехватив общий взгляд Анкредов, прикованный к груди мисс Орринкорт.

На ней сверкала большая бриллиантовая звезда.

– Милли, – выдохнула Полин.

– Меня не обманывают глаза? – слабо прошипела в ответ Миллимент.

Мисс Орринкорт подошла к камину и оперлась рукой о решетку.

– Надеюсь, Нодди будет вовремя, – сказала она, – а то я с голоду умираю. – Она критически осмотрела свои покрытые алым лаком ногти и поправила на груди звезду. – Да и выпить бы неплохо.

На это предложение никто не откликнулся, лишь Пол смущенно откашлялся. Из зала донесся стук палки.

– Ну вот и папá, – нервно сказала Полин, и все слегка зашевелились. Честное слово, подумала Трой, они будто собираются ужинать с каким-нибудь членом королевской семьи. Та же характерная атмосфера напряженного ожидания.

Баркер открыл дверь, и, сопровождаемый белым котом, в гостиную вошел оригинал расставленных повсюду фотографий.

III

Первое, что следовало бы сказать о сэре Генри Анкреде, что исполнял он свою роль с почти неправдоподобной виртуозностью. У него были серебристые волосы, пронзительно-голубые, под тяжелыми бровями, глаза, аристократический крупный нос, под которым пушились роскошные белоснежные усы, расчесанные таким образом, чтобы подчеркнуть линию рта артиста. Подбородок квадратно выдавался вперед и был украшен посольской бородкой. В целом выглядел сэр Генри так, словно его приготовили специально для выставки. На нем был бархатный смокинг, старомодный воротничок, широкий галстук и монокль на широкой ленте. «И не поверишь, – подумалось Трой, – что это живой человек». Вошел он медленно, постукивая по полу – но не слишком опираясь на нее – черной палкой с серебряным набалдашником. Она ему в общем-то не нужна, подумала Трой, так, декорация. Он был очень высок и все еще держался прямо.

– Папа, это миссис Аллейн, – сказала Полин.

– Ах вот как, – откликнулся сэр Генри.

Трой поднялась ему навстречу. «Удерживаясь, – как она впоследствии говорила Аллейну, – хотя и не без труда, от реверанса».

– Итак, это наша знаменитая художница, – сказал сэр Генри, беря ее за руку. – Очень рад.

Удерживая руку Трой, он смотрел на нее с высоты своего роста. Ей же вдруг почудился за его спиной молодой Генри Анкред, от одного взгляда которого женщины млели и теряли голову.

– Рад, – повторил он, искусно подчеркивая голосом, что удовольствие он испытывает не только от ее приезда, но и от внешности.

«Придержите коней, ребята», – подумала Трой и высвободила руку.

– Надеюсь, это чувство вас не оставит, – сказала она.

– Думаю, нет, – поклонился сэр Генри. – Думаю, нет. – Трой потом поймет, что у него есть привычка повторять сказанное.

Пол придвинул стул. Сэр Генри сел перед камином, остальные двумя полукругами расположились по обе стороны от него.

Он скрестил ноги и положил левую руку на подлокотник, оставив другую свободно и небрежно покачиваться в воздухе. Что-то вроде позы короля Карла II, а на месте традиционного спаниеля – кот, который грациозно вспрыгнул ему на колени, слегка потерся о них и удобно растянулся.

– Ах ты, Карабас, – проговорил сэр Генри, погладил кота и снисходительно обвел взглядом присутствующих.

– Ну вот и славно, – сказал он, плавно поводя рукой. На мгновение взгляд его остановился на груди мисс Орринкорт. – Очаровательно, – сценическая реплика. – Ага, вот и херес.

Пол и Фенелла разнесли херес – лучшего, как выяснилось, качества. Затеялась довольно оживленная беседа, которую сэр Генри вел так, словно пригласил актеров на прослушивание.

– Мне казалось, – в какой-то момент заметил он, – что Седрик тоже должен быть с нами. Миллимент, разве ты не говорила мне...

– Извини, папа, но он опаздывает, – остановила его Миллимент. – Насколько я знаю, он должен был написать какое-то важное письмо. А гонга, наверное, не услышал.

– Ах вот как? А куда ты его поместила?

– К «Гаррику», папа.

– В таком случае он должен был услышать гонг.

Вошел Баркер и сказал, что ужин подан.

– Полагаю, мы не будем ждать Седрика. – Сэр Генри мягко сбросил кота Карабаса на пол и поднялся. Семейство последовало его примеру. – Миссис Аллейн, позвольте предложить вам руку?

«Жаль, – подумала Трой, принимая протянутую руку, – жаль, что тут нет оркестра». И, словно изображая персонажа какой-нибудь салонной комедии былых времен, завела светский разговор со своим спутником. Но не успели они дойти до двери, как в зале послышались торопливые шаги. В гостиную, раскрасневшись от напряжения, с белым цветком в петлице смокинга, влетел Седрик.

– Дедушка, дорогой, – заговорил он, размахивая руками, – я на колени готов стать, ниц падаю, извини меня, ради Бога. Каюсь. Найдите мне кто-нибудь власяницу и пепел голову посыпать, живо.

– Добрый вечер, Седрик, – ледяным тоном проговорил сэр Генри. – Извиняться тебе следует перед миссис Аллейн, у которой, возможно, хватит милосердия простить тебя.

Трой послала Седрику улыбку герцогини, а про себя ухмыльнулась, как Чеширский кот.

– Вы – сама доброта, – быстро проговорил Седрик и скользнул им за спину. Это несколько нарушило изначальный порядок процессии. Седрик оказался лицом к лицу с мисс Орринкерт. Трой услышала, как он издал какое-то удивленное восклицание. Прозвучало оно совершенно невольно и искренне. На Седрика это было так не похоже, что Трой оглянулась. У него открылся изящно очерченный рот, а светлые глаза не отрывались от бриллиантовой звезды на груди мисс Орринкерт. Затем Седрик недоверчиво оглядел родичей.

– Однако же... – запинаясь, начал он, – слушайте... нет, доложу я вам...

– Седрик, – прошептала его мать.

– Седрик, – повелительно повторил дед.

Но Седрик, продолжая говорить необычно естественным голосом и указывая белым пальцем на бриллиантовую звезду, громко выдохнул:

– Господи, но ведь это же Солнечный диск, из коллекции прапрапрабабушки Анкред!

– Славная вещица, верно? – так же громко откликнулась мисс Орринкерт. – Меня прямо в дрожь бросает.

– Увы, в наши трудные времена, – мягко проговорил сэр Генри, помогая Трой переступить через порог, – не всегда получается встретить почетного гостя так, как хотелось бы. Небольшой скромный банкет, сказал бы старик Капулетти. Ну что, пойдём?

IV

«Небольшой скромный банкет» свидетельствовал, что поклонники таланта сэра Генри в английских доминионах и Соединенных Штатах Америки никогда не забывали своего кумира. Ничего подобного Трой не видела уже много лет. Сам он, заметила она, ел какое-то месиво, пропущенное предварительно через сито. Беседа шла общая, ни о чем и звучала так, словно текст был выучен заранее. На драгоценности мисс Орринкерт не смотреть было трудно. Трой заметила, что и сами Анкреды все время бросают на них взгляды исподтишка. Сэр Генри вел себя, как и прежде, обходительно, по-светски и, на взгляд Трой, изысканно. Compliments его, в высшей степени искусные, отклонить было трудно. Он заговорил о ее работах, спросил, не писала ли она автопортретов.

– Только в ученические годы, когда мне не на что было нанять натурщика, – откликнулась Трой.

– Жаль, жаль. А то бы одарили нас безупречным изображением безупречной натуры.

«Сила», – подумала Трой.

Пили «Рудсхаймер». Когда Баркер остановился подле него, сэр Генри, со словами, что сегодня особый случай, согласился выпить полбокала. Миллимент и Полин с беспокойством на него посмотрели.

– Папá, дорогой, – заговорила Полин. – Думаешь?..

И Миллимент, следом:

– Да, папá. Ты действительно считаешь?..

– Считаю что? – Он посмотрел на обеих.

– Вино, – не в лад пробормотали они. – Доктор Уизерс... нежелательно... однако же...

– Наливайте, Баркер, – решительно скомандовал сэр Генри, – наливайте.

Со стороны Полин и Миллимент до Трой донесся легкий вздох.

За столом возникло некоторое напряжение. Пол и Фенелла молчали. Седрик, сидевший по правую руку от Трой, обстреливал целыми очередями слов любого, кто готов был его слушать. Поток комплиментов сэра Генри продолжался без перерыва все три перемены блюд, и, к огорчению Трой, мисс Орринкорт начала выказывать явные признаки враждебности. Она сидела слева от сэра Генри, а по другую руку от нее – Пол. С ним-то она и затеяла какой-то исключительно длинный и чрезвычайно возвышенный разговор. Пол отвечал с явной неохотой, но мисс Орринкорт бросала на него многозначительные взгляды и неудержимо смеялась при односложных ответах. Трой, заметившая, что хозяину это начинает нравиться все меньше и меньше, ухватила за первую же возможность обратиться к Седрику.

– Нодди, – тут же сказала мисс Орринкорт, – а что мы завтра собираемся делать?

– Делать? – повторил он и после секундного колебания развеселился. – А чего хотелось бы моей девочке?

Мисс Орринкорт закинула руки за голову.

– Ей хотелось бы, чтобы что-нибудь случилось, – бойко залопотала она. – Что-нибудь славненькое.

– Ну что ж, если она будет хорошо себя вести, очень хорошо, возможно, мы разрешим ей посмотреть краешком глаза на большую-большую картину.

Трой уныло слушала этот обмен репликами.

– А еще? – по-детски настаивала мисс Орринкорт, бросая при этом весьма неприязненные взгляды на Трой.

– Там видно будет, – неловко откашлялся сэр Генри.

– Но, Нодди...

– Мисс Аллейн, – окликнула Трой Миллимент, сидевшая напротив хозяина, – может, мы...

И женщины покинули столовую.

Остаток вечера прошел спокойно. Сэр Генри показал Трой три альбома театральных фотографий, весьма ее заинтересовавших. Удивительно, подумала она, насколько елизаветинский стиль меняется в зависимости от перемен в театральном мире. Вот юный викторианец Генри Анкред, весь из себя ухоженный, разодетый, в рюшах, лентах, коже, в превосходном бархате; а вот нынешний, постаревший Генри Анкред в простом стилизованном костюме, явно сшитом из грубой сценической холстины. И в обоих случаях это одно и то же лицо – герцог Бакингэм.

Рядом нервно крутилась мисс Орринкорт. Присев на подлокотник кресла сэра Генри и распространяя вокруг себя ароматы духов с черного рынка, она бестактно кудахтала над старыми фотографиями и зевала над более поздними.

– Дорогой, – воскликнула она, – ты только посмотри на себя! Чего тут только на тебе нет, разве что кухонной раковины.

Она имела в виду фотографию сэра Генри в роли Ричарда II. Седрик захихикал и тут же испуганно посмотрел на деда.

– Должна заметить, папа, – вмешалась Полин, – что не знаю никого с таким чутьем на костюм, как у тебя.

– Дорогая, – возразил ее отец, – все дело в том, как их носить. – Он потрепал мисс Орринкурт по плечу. – У тебя, дитя мое, с этим все в порядке, ты отлично выглядишь в своих легких современных платьях. Интересно, если бы спереди у тебя, как у Эллен Терри, было на сцене два фута тяжелого бархата, как бы тебе удалось на сцене по-королевски спуститься по лестнице? Да ты бы просто упала и расквасила свой славненький носик.

Он явно очень тщеславный человек, подумала Трой. Поразительно, как это его не задевает развязное поведение мисс Орринкурт. И, вспомнив замечание Томаса насчет Давида и Ависаги-сунамитянки, Трой поняла, что в отношении мисс Орринкурт сэр Генри попросту впал в старческую влюбленность.

В десять принесли гог. Сэр Генри выпил стакан ячменного отвара, вытерпел поцелуи женщин, желающих ему покойной ночи, кивнул Полу и Седрику и, к вящему смущению Трой, поцеловал ей руку.

– Прощайте, – сказал он своим густым голосом. – Встретимся завтра, в одиннадцать. Мне повезло.

Он величественно вышел из комнаты, и десять минут спустя мисс Орринкурт, отчаянно зевая, также удалилась.

Ее уход послужил сигналом к взрыву в кругу Анкредов.

– Нет, Милли, на что это похоже. На что это похоже, тетя Полин! Глазам не верю! Солнечный диск! Он, точно!

– Что ж, Миллимент, – сказала Полин, – теперь я собственными глазами вижу, как обстоят дела в Анкретоне.

– А ведь раньше ты мне отказывалась верить, Полин, – восторгалась Миллимент. – Целый месяц провела здесь, и все равно...

– Он что, подарил ей это, может мне кто-нибудь сказать? – возопил Седрик.

– Он не мог этого сделать, – сказала Полин. – Не мог и не может. Более того, не думаю, что захочет. Если только... – Она оборвала себя на полуслове и повернулась к Полу. – Если он действительно подарил ей это, значит, собирается жениться. Вот так-то.

Бедная Трой, безуспешно пытавшаяся все это время выйти из комнаты, воспользовалась наступившей после заявления Полин тишиной и пробормотала:

– Если позволите, мне кажется... я бы...

– Дорогая миссис Аллейн, – прервал ее Седрик, – прошу вас, не надо этих церемоний. Оставайтесь, послушайте.

– Не понимаю, – начал Пол, – почему бедная миссис Аллейн должна...

– Она знает, – сказала Фенелла. – Боюсь, Пол, я уже все ей рассказала.

Совершенно неожиданно Полин сделала приглашающий жест в сторону Трой.

– Вот незадача-то, – сказала она, словно приглашая Трой к откровенности. – Видите, что происходит? Право, папá что-то слишком уж разошелся. Мы все ужасно обеспокоены. Пугает, собственно, не столько то, что происходит сейчас, сколько то, что может произойти. А тут еще Солнечный диск. Многовато. Это ведь в своем роде историческая реликвия.

– Своего рода *cadeau d'estime*²² от регента моей прапрапрабабушке, – встрял в разговор Седрик. – И не просто историческая реликвия, но своего рода повторение истории. Позволь

²² Почетный дар (фр.).

также заметить, тетя Полин, что лично я потрясен до глубины души. Я всегда считал, что Солнечный диск должен достаться мне.

– Твоей дочери, – поправил его Пол. – Так что вопрос это академический.

– С чего это ты взял, не понимаю, – вскинулся Седрик. – Мало ли, как все может обернуться.

– Право же, Полин, – проговорила Миллимент. – Право, Пол.

– Пол, милый, – обиженно проговорила Полин, – не надо задирать бедного Седрика.

– Как бы там ни было, – вмешалась Фенелла, – я думаю, тетя Полин права. По-моему, он собирается жениться, и, коли так, ноги моей в Анкретоне больше не будет. Никогда!

– И как же ты собираешься называть ее, тетя Полин? – дерзко спросил Седрик. – Мамочкой или каким-нибудь ласкательным именем?

– Нам только одно остается, – сказала Полин. – Надо объединить усилия и что-то предпринять. Я уже говорила с Дженеттой и говорила с Десси. Обе едут. Томасу тоже надо быть здесь. В отсутствие Клода главным должен стать он. Это его долг.

– А как ты это себе представляешь, дражайшая тетя Полин? Мы что же, засаду Старику устроим и всей ватагой набросимся?

– На мой взгляд, Седрик, мы попросим его принять нас и просто... просто...

– Да, извини, Полин, но толку от этого не будет, – ухмыльнулась Миллимент.

– Миллимент, ты не из Анкредов и потому не можешь переживать такие вещи так же болезненно, как мы. И как только папá, с его обостренным чувством собственного достоинства – мы ведь ведем свой род с эпохи Нормандского завоевания, мисс Аллейн, – как это папá позволил так окрутить себя? Это же просто унижительно.

– Будучи, как ты, Полин, заметила, не из Анкредов, я хорошо понимаю, что у папá в жилах течет не только голубая, но и горячая кровь. Больше того, он упрям и тщеславен как индеец. Ему нравится видеть себя мужем озорной юной дамочки.

– Относительно юной, – заметил Седрик.

Полин сцепила пальцы и, поворачиваясь от одного члена семьи к другому, воскликнула:

– Я придумала! Слушайте. Буду совершенно откровенной и объективной. Понимаю, что речь идет о моем ребенке, но это меня не остановит. Пэнти!

– При чем тут Пэнти, мама? – нервно осведомился Пол.

– Твой дед обожает ее. А теперь представь себе, что, если Пэнти вдруг что-нибудь такое детское ему скажет?

– Например, – подхватил Седрик, – обовьет ручонками его шею и прошепчет на ухо: «Дедушка, когда же наконец уедет от нас эта стласная тетя?» Одно скажу: вряд ли она сможет сыграть такую роль.

– Он обожает ее, – упрямо повторила Полин. – И ведет себя с ней как большой мальчик. Ты не можешь с этим не согласиться, Миллимент.

– Пожалуй, что так, Полин.

– Все это хорошо, мама, – резко бросил Пол, – да только Пэнти всегда подыграет деду.

– К тому же они с Соней закадычные друзья, разве не так? – добавил Седрик.

– Насколько я знаю, – сказала Миллимент, – именно мисс Орринкерт подговорила Пэнти сыграть со мной очень глупую шутку в прошлое воскресенье.

– А именно? – поинтересовался Седрик.

Фенелла захихикала.

– Когда я пошла в церковь, она приколола к моему пальто, сзади, совершенно дурацкую записку, – сердито сказала Миллимент.

– И что же в ней говорилось, Милли, дорогая? – с любопытством спросил Седрик.

– Кати бочку²³, – сказала Фенелла.

– Ну, так мы далеко зайдем, – заметила Миллимент.

– Знаете, – поспешно вставила Трой, – я все же вынуждена извиниться и...

На сей раз попытка удалась. Анкреды смущенно пожелали ей покойной ночи. Она отклонила предложение проводить ее до комнаты, чувствуя, что они ждут не дождутся, пока она закроет за собой дверь, чтобы возобновить разговор.

В зале, где было относительно тихо и очень холодно, поскольку уголь в камине догорел, оставалась зажженной одна-единственная лампа. Поднимаясь по лестнице, Трой испытала ощущение, которое раньше в этом необъятном доме не испытывала, – у него есть индивидуальность. Он простирался во все стороны – загадочная территория. Помимо странностей, свойственных Анкредам, он скрывал их потаенные мысли, как и мысли их предков. Дойдя до галереи, тоже едва освещенной, она почувствовала, что гостиная осталась где-то далеко позади, – подводный остров. Вереница посредственных портретов и сомнительных пейзажей, мимо которых она сейчас проходила, жили в этом сумраке своей собственной жизнью. И казалось, им до нее нет никакого дела. Вот наконец и ее коридор, заканчивающийся винтовой лестницей, ведущей в башню. Перед тем как ступить на нее, Трой на секунду задержалась. Показалось ей или действительно дверь пролетом выше, которой отсюда не было видно, бесшумно закрылась? «Может, в комнате подо мной кто-нибудь живет», – подумала она и от этой мысли поежилась. С чего бы это, покачала головой Трой, и повернула выключатель, расположенный рядом с лестницей. Свет, брызнувший из невидимой отсюда лампы, ввинченной за первым завитком лестницы, как-то незаметно оживил изогнутую стену.

Трой быстро шла вверх в надежде, что в ее белой комнате еще горит огонь. Следуя за изгибом ступеней, она правой рукой приподняла свое длинное платье, а левую положила на узкие перила.

Перила были липкими.

Она испуганно отдернула руку и поднесла ее к глазам. На ладони и чуть выше ее что-то темнело. Сейчас Трой стояла в тени, но, сделав шаг, оказалась на месте, куда падал свет от лампы, и стало видно, что пятно на ладони – красное.

Прошло не менее пяти секунд, прежде чем она сообразила, что это краска.

²³ Название шлягера военных лет.

Глава 5

Окровавленное дитя

I

На следующее утро, в половине одиннадцатого, Трой, увешанная ящиками с красками, со свернутым холстом и подрамником в руках, направлялась в домашний театр. Сопровождаемая Полом и Седриком, несшими ее студийный мольберт, Трой прошла длинным коридором, ведущим из зала, мимо двери цвета грубого зеленого сукна, «за которой, – тяжело дыша, проговорил Седрик, – все крушат вокруг себя трудные дети», повернула направо и двинулась дальше, в тыльную часть этого дома-лабиринта. Путешествие прошло не без приключений – когда они проходили мимо двери, за которой, как впоследствии обнаружила Трой, располагалась малая гостиная, она распахнулась и на пороге, спиной к ним, появился пухловатый коротышка. «Если вы не доверяете мне как врачу, сэр Генри, – сердито говорил он, – у вас всегда есть выход. А я буду только рад избавиться от неблагодарной задачи выписывать рецепты упрямо, черт бы его побрал, пациенту и его внучке». Трой попыталась было мужественно пробиться вперед, но дорогу ей преградил Седрик. Он поставил мольберт поперек коридора и принялся с живейшим интересом вслушиваться в начавшийся диалог.

– Ну, ну, успокойтесь, – журчал невидимый сэр Генри.

– Я умываю руки, – заявил его собеседник.

– Ничего подобного. И вообще, что это за выражения, Уизерс? Следите за своим языком. И занимайтесь своим делом и прислушивайтесь, как полагается, к честной критике.

– Черт знает что, – проговорил посетитель, но на сей раз скорее с нотой отчаяния в голосе. – Я официально отказываюсь от дальнейшего лечения. Считайте это моим последним словом.

Последовала продолжительная пауза, во время которой Пол безуспешно пытался сдвинуть Седрика с места.

– Я не принимаю отставки, – сказал наконец сэр Генри. – Повторяю, Уизерс, успокойтесь. Вы должны понять. У меня много всяких проблем. Очень много. К тому же потерпите капризы старика, а? Не пожалеете. Право, не пожалеете. Закройте-ка дверь и выслушайте меня.

Не поворачиваясь, посетитель медленно прикрыл дверь.

– Ну а теперь, – прошептал Седрик, – он посулит бедному доктору Уизерсу, что упомянет его в завещании.

– Ну пошли же наконец, ради Бога, – проговорил Пол, и они направились к театрику.

Полчаса спустя Трой установила мольберт, растянула холст и приготовила для этюдов бумагу и дощечки. Театрик представлял собой точную копию настоящей сцены с довольно просторной площадкой. Задник декорации «Макбета» был прост и превосходен в своем замысле. Сценограф исключительно точно воплотил первоначальный набросок Трой. Прямо перед ним, в точном композиционном порядке, располагались трехмерные фигуры, в нужных местах разрывающие тканую поверхность. Трой сразу решила, где она поместит своего героя. Никаких попыток актуализировать фон. Чисто театральное решение. «Вообще-то тут бы хорошо подошла болтающаяся веревка, – подумала она, – но вряд ли это понравится заказчикам. А вдруг он согласится?»

Седрик и Пол начали показывать ей, что можно сделать со светом. Трой пребывала в превосходном расположении духа. Ей нравился запах холста и клея и приятно было ощущать, что вот место, где люди работают. В театрике даже Седрик стал не похож на самого себя. Он

обнаружил хорошее знакомство с предметом, живо откликался на предложения Трой, придерживал Пола, когда тот предложил залить сцену снопами огня, заставил его уняться, пока он сам выбирал какое-то одно световое пятно.

– Поскромнее надо с задником, поскромнее! – восклицал он. – А ну-ка попробуем снизу! – И тут же появился мерцающий свет, что весьма понравилось Трой.

– Да, но вам-то ничего не видно, – растерянно заметил Седрик. – Черт! Что же придумать?

– Могу принести обычный светильник и подключить через удлинитель, – предложил Пол. – Или снимем шторы.

– Но тогда будет проникать дневной свет. – Седрик в отчаянии посмотрел на Трой. – Или ничего страшного?

– Попробуем.

В конце концов, умело расположив отражатели, Трой добилась того, чтобы и дневной свет падал на холст, и сцена не пропадала.

Часы – разумеется, большие часы – на центральной башне пробили одиннадцать. Где-то в глубине открылась и тут же захлопнулась дверь, и в освещенном пространстве появился сэр Генри – вылитый Макбет.

– Ну и ну, – прошептала Трой. – Вот это да!

– Настоящий маскарад, – сказал ей на ухо Седрик, – но, странное дело, мурашки по коже бегут. Или нет? Не слишком театральный костюм?

– На мой вкус, нет, – решительно ответила Трой и пошла по проходу навстречу своему натурщику.

II

В полдень Трой пригладила волосы, прислонила крупный рисунок углем к сцене и отошла от нее по проходу. Сэр Генри снял шлем, слегка вздохнул и осторожно двинулся к стулу, стоящему в кулисе.

– Полагаю, вы хотите закончить на сегодня, – рассеянно сказала Трой, кусая ноготь большого пальца и вглядываясь в рисунок.

– Старость не радость, – откликнулся сэр Генри, и только тут Трой заметила, что выглядит он не просто немного усталым. Перед сеансом он положил вокруг глаз густые тени и подкрасил разведенной в воде краской усы и бородку. Помимо того, он надел парик с длинными прядями черных волос. Но ни косметика, ни парик не могли скрыть, что щеки у него ввалились, а голова поникла.

– Вынуждена вас отпустить, – сказала Трой. – На- деюсь, я была не слишком требовательна. Забываешься, знаете ли.

– И вспоминаешь тоже, – сказал сэр Генри. – Я, например, вспоминаю роль. Впервые сыграл ее в 1904 году.

Трой быстро подняла голову, почувствовав к этому человеку внезапную симпатию.

– Это была замечательная роль, – добавил он. – Замечательная.

– Пять лет назад, когда я увидела вас в ней, это было сильное впечатление.

– Я играл ее в шести разных спектаклях и всякий раз выкладывался до конца. Никогда она не приносила мне несчастья.

– Я слышала, что среди исполнителей роли Макбета распространено суеверие. Нельзя цитировать пьесу, верно? – Трой внезапно подскочила к рисунку и стерла ногтем слишком жирную линию. – Вы тоже считаете, что это приносит беду? – рассеянно спросила она.

– Другим актерам – да, – очень серьезно ответил он. – Во время представления за кулисами всегда такая напряженная атмосфера. Люди нервничают.

– Не потому ли, что помнят о суеверии?

– Может быть. От такого ощущения не избавишься. Но мне эта пьеса никогда несчастий не приносила. – Голос его, секунду назад звучавший устало, окреп. – Иначе зачем бы мне выбирать для портрета именно эту роль? Так что нет, точно нет. А теперь, – сказал он, возвращаясь к своей величественной и сверхгалантной манере, – будет ли мне позволено хоть краем глаза взглянуть?

Нельзя сказать, что Трой была в восторге от этой идеи, и все же слегка протолкнула рисунок в проход и повернула его к нему.

– Боюсь только, пока мало что можно понять, – сказала она. – Это всего лишь нечто вроде общей идеи того, что я хочу изобразить.

– Ну да, ну да! – Он сунул руку в рубаху, извлек пенсне в золотой оправе, и мгновенно перед Трой вновь возник Макбет, только в очках, рассматривающий собственный портрет. – Умница, – сказал он. – Настоящая умница.

Трой отнесла рисунок на место, и сэр Генри медленно разогнулся.

– «Прочь, прочь, все это взято взаймы»²⁴, – продекламировал он. – Мне надо переодеться. – Привычным жестом он поправил плащ, развернул плечи, перешел на освещенное место и прицелился кинжалом в крупный пустой холст. Голос его, словно специально поставленный для этого выступления, мощно разнесся под сводами театра:

Что ж, будь здоров. Одно могу сказать я:
Смотри не пожалей о старом платье.
Благослови Господь
И вас, и всех...²⁵

К счастью, Трой вспомнила следующую строку. Сэр Генри перекрестился и, минув фигуры-манекены, зашагал к двери за сценой. Она захлопнулась за ним, и Трой осталась одна.

Она еще раньше решила сразу же перенести изображение на большой холст. Эскизов больше не будет. Время поджимало, а то, чего ей хочется, было уже и так ясно. С чем сравнить момент, подумала она, когда стоишь лицом к лицу с туго натянутым холстом и поднимаешь руку, чтобы нанести первый мазок. И, сделав глубокий вдох, она провела угольным карандашом по холсту. Он откликнулся, издав что-то вроде слабого барабанного звука. «Что ж, поплыли», – подумала она.

Прошло пятьдесят минут, и под пальцами ее начал формироваться ритм и материя рисунка. Она расхаживала взад-вперед, время от времени останавливаясь и нанося резкие удары острием угольного карандаша или проводя им по зернистой поверхности холста. Все, что Трой сейчас собой представляла, воплотилось в эту тонкую почерневшую ладонь. В конце концов она остановилась в десяти шагах от полотна и, выждав немного, закурила сигарету, взяла пыльную тряпку и начала обмахивать рисунок. На пол посыпалась угольная пыль.

– Что, не нравится? – раздался резкий голос.

Трой так и подпрыгнула и обернулась. Засунув руки в карманы передника и расставив ноги, в проходе стояла девочка, которая сегодня утром затеяла драку на террасе.

– Откуда ты появилась? – требовательно спросила Трой.

– Через заднюю дверь вошла. Потихоньку, потому что мне запретили. А почему ты все стираешь? Не нравится?

– Я не стираю. Все на месте. – И действительно, контуры рисунка никуда не исчезли. – Я просто убираю лишнее, – отрывисто добавила она. – Иначе краски смешаются.

²⁴ У. Шекспир. «Король Лир», акт 3, сцена 4. Пер. М. Кузмина.

²⁵ У. Шекспир. «Макбет», акт 2, сцена 4. Пер. Ю. Корнеева.

– А что, Нодди будет так чудно одет?

Услышав это обращение, Трой немало удивилась; она думала, что это изобретение и привилегия мисс Орринкорт.

– Я называю его Нодди, – сказала девочка, словно прочитав ее мысли. – И Соня тоже. Это она у меня переняла. Когда вырасту, хочу быть такой, как Соня.

– Ясно. – Трой открыла ящик с красками и принялась рыться в нем.

– А это что, краски?

– Да. – Трой пристально посмотрела на девочку. – Краски. Они мои.

– Меня зовут Патриция Клодия Элен Анкред Кентиш.

– Так я и подумала.

– Ничего такого ты не могла подумать, потому что все, кроме мисс Эйбл, называют меня Пэнти. Впрочем, мне наплевать, – сказала Пэнти. Она внезапно вскочила на спинку стула и, обхватив ноги руками, откинулась назад и опустила голову.

– Шею хочешь сломать?

Пэнти обиженно хрюкнула.

– Поскольку тебе не разрешили сюда входить, – продолжала Трой, – не лучше ли уйти побыстрее?

Трой подцепила на шпатель густой слой белой краски. «Если не обращать на ребенка внимания, может, ему станет скучно и он уйдет», – подумала Трой.

Так, теперь желтый, дальше красный. Как же хорош ее шпатель!

– Я собираюсь порисовать этими красками, – заявила Пэнти, подойдя к ней поближе.

– Даже не мечтай.

– Мне хочется. – Она внезапно подалась к подносу, на котором лежали длинные кисти. Трой опередила ее на какое-то мгновение.

– Послушай-ка, Пэнти, – заговорила она, запирая ящик и глядя прямо ей в лицо, – если ты сейчас же не уймешься, я подхватю тебя за пояс твоих собственных бриджей и отнесу туда, где тебе и следует находиться. Ты ведь не любишь, когда другие мешают тебе играть, верно? Так вот, это моя игра, и я не могу продолжать ее, пока ты мешаешь.

– Я убью тебя, – посулила Пэнти.

– Не будь идиоткой, – кротко откликнулась Трой.

Пэнти зачерпнула немного киновари, яростно швырнула ею в Трой и тут же залилась пронзительным смехом.

– Выпороть меня ты не можешь, – завизжала она, – меня по специальной системе воспитывают.

– Еще как могу, система – не система... – И действительно, ничего сейчас Трой не хотелось так сильно, как поколотить Пэнти. Девочка глядела на нее с выражением нескрываемой злобы. Она так решительно надула щеки, что даже нос сморщился и задрался. А рот сжался настолько, что от него разбежались во все стороны морщинки, напоминавшие кошачьи усы. Она угрюмо набычилась. Косички поднялись под прямым углом к голове. В общем, она сделалась похожа на озлобленного Борея в младенчестве.

Трой присела и потянулась за лоскутом материи, чтобы стереть с лица краску.

– Знаешь, Пэнти, – сказала она, – ты удивительно похожа на своего дядю Томаса.

Пэнти снова потянулась к ящику с красками.

– Не надо, – остановила ее Трой, – не трогай больше красную краску, прошу тебя. Слушай, предлагаю сделку. Если ты пообещаешь не прикасаться больше к краскам без разрешения, я дам тебе кисти и дощечку, и можешь порисовать по-настоящему.

– Когда? – настороженно посмотрела на нее Пэнти.

– После того как попросим твою мать и мисс Эйбл. Я попрошу. Но чтобы больше никаких глупостей. И особенно, – наугад добавила Трой, – не смей больше заходить ко мне в комнату и потом пачкать перила красками.

Пэнти тупо посмотрела на нее.

– Не понимаю, о чем ты, – заявила она. – Так когда мне можно порисовать? Я хочу прямо сейчас.

– Хорошо, только сначала выясним кое-что. Ты чем вчера занималась перед ужином?

– Не помню. Ах нет, помню. Приходил доктор Уизерс. Он осматривал всех нас. Он собирается остричь меня наголо, потому что у меня стригущий лишай. Оттого я и надела эту шапочку. Хочешь посмотреть на мой стригущий лишай?

– Нет.

– У меня он у первой появился. И от меня шестнадцать человек заразились.

– Так ты не поднималась ко мне в комнату и не трогала красок?

– Нет.

– Честно?

– Честно – что? Я даже не знаю, где твоя комната. Когда мне можно порисовать?

– Ты правду говоришь, что не бралась за перила?..

– Ты что, дура? – проверещала Пэнти. – Даже не можешь понять, когда тебе правду говорят?

«Хотелось бы знать», – с величайшим смущением подумала Трой.

Пока она так и сяк переваривала эту забавную перепалку, дверь в конце зала, где обрывается партер, открылась и на пороге появился Седрик.

– Нижайше прошу прощения, – залепетал он. – Позвольте, как мышке, пропищать, что завтрак будет вот-вот подан. Пэнти! – проскрипел он, заметив кузину. – Ах ты, жуткий ребенок! А ну-ка назад, в западное крыло, мисс! Как ты вообще посмела сюда залезть?

– Привет, Сисси, – показала ему язык Пэнти.

– Ну погоди, дай Старика до тебя добратся. Уж он тебе покажет.

– С чего бы это?

– С чего бы это! Она еще спрашивает! Бесстыдница! Краски от грима еще на пальцах не просохли.

Обе, и Пэнти, и Трой, воззрились на него. Пэнти посмотрела на свою ладонь.

– Это ее краски, – сказала она, мотнув головой в сторону Трой, – краски, а никакой не грим.

– Ты что же, безобразница эдакая, – настаивал Седрик, – будешь отрицать, что пока дедушка позировал миссис Аллейн, ты забралась в его гардеробную и намалевала красками какую-то непристойность на зеркале? Больше того, выкрасила в красное усы этого кота, как его, Карабаса? Это ты тоже будешь отрицать?

С искренним, могла бы поклясться Трой, изумлением Пэнти покачала головой:

– Не понимаю, о чем ты. Ничего такого я не делала.

– Расскажи это дедушке, – улыбнулся Седрик, – посмотрим, поверит ли тебе он.

– Нодди меня любит, – твердо заявила Пэнти. – Он любит меня больше всех в семье. А тебя считает жутким типом. Надутым индюком называет.

– Погодите, – поспешно вмешалась Трой. – Давайте-ка поставим точки над i. Вы говорите, что Пэнти намалевала что-то на зеркале сэра Генри? И что же именно?

– Дорогая миссис Аллейн, – кашлянул Седрик, – мне меньше всего хотелось бы впутывать вас...

– Ни во что вы меня не впутываете, – оборвала его Трой. – Так что там было написано?

– Мама уж собиралась стереть, она убирала комнату и заметила надпись. Бросилась искать тряпку, но тут вошел Старик и тоже все увидел. Сейчас он гроыхает, как какой-нибудь из первых пророков, во всем доме слышно.

– Господи, да что же это все-таки было?

– «Дед – старый осел», – сказал Седрик. Пэнти захихикала. – Ну вот! Видите? Наверняка это она написала. И кот – тоже ее рук дело.

– Не моих! Не моих! – И, мгновенно изменив выражение лица, что всегда так поражает в детях, Пэнти сморщилась, внезапно, но словно бы механически, лягнула Седрика в лодыжку и залилась слезами.

– Ах ты, паршивая девчонка! – вскинулся он и отступил в сторону.

Пэнти плашмя бросилась на пол и с громким визгом принялась колотить кулаками по доскам.

– Вы меня все ненавидите, – рыдала она. – Дикие звери! Лучше бы я умерла.

– О Господи, – вздохнул Седрик, – какая скука. Сейчас у нее будет припадок или что-нибудь в этом роде.

В этот момент появился Пол Кентиш. Он быстро прохромал по проходу, схватил сестру за пояс и, встряхнув, как котенка, попытался поставить на ноги. Пэнти подтянула колени и резко дернулась в сторону. Так и задохнуться недолго, с беспокойством подумала Трой.

– Немедленно прекрати, Пэнти! – скомандовал Пол. – Что за капризы, в самом деле.

– Минуточку, – заговорила Трой. – По-моему, она тут ни при чем. То есть, я хочу сказать, она не делала того, что вы говорите. Это просто недоразумение, точно.

Пол ослабил хватку. Пэнти сидела на полу, громко всхлипывая, – несчастное дитя.

– Все нормально, – сказала Трой. – Сейчас объясню. Хорошо, Пэнти, ты этого не делала, и, если не пропало желание, можешь рисовать.

– Ей не разрешается уходить из школы, – возразил Пол. – Кэролайн Эйбл будет здесь с минуты на минуту.

– Слава тебе Господи, – сказал Седрик.

Действительно, почти сразу же появилась мисс Эйбл, с профессиональной улыбкой посмотрела на свою подопечную и объявила, что подошло время обеда. Пэнти бросила на Трой взгляд, который та так и не сумела расшифровать, и поднялась на ноги.

– Послушайте... – начала Трой.

– Да? – бодро откликнулась мисс Эйбл.

– Я про это злосчастное зеркало. Не думаю, что это Пэнти...

– В следующий раз, коли опять такое настроение появится, мы придумаем что-нибудь поразумнее, верно, Патриция?

– Да, но я о том, что, по-моему, она тут ни при чем.

– Мы уже очень хорошо справляемся со всякой ерундой, когда глупости в голову приходят, верно, Патриция? Лучше всего сразу найти причину и забыть обо всем.

– Да, но...

– Обед! – бодро и решительно вскричала мисс Эйбл и без всякого шума повлекла за собой девочку.

– Дражайшая миссис Аллейн, – заговорил Седрик, размахивая руками, – а почему, собственно, вы так уверены, что это не Пэнти размалевала зеркало Старика?

– А вы когда-нибудь слышали, чтобы она называла его дедом?

– Да вроде нет, – сказал Пол. – Точно нет.

– Мало того... – Трой осеклась на полуслове. Седрик направился к ее мольберту. Он взял тряпку и принялся тереть ею ногти. Только тут Трой обратила внимание на то, что указательный палец на его правой руке, минуту назад нацеленный на нее, был испачкан темно-красной краской.

Он перехватил ее взгляд и уронил тряпку на пол.

– Любопытство не украшает человека, – покачал головой он. – Окунул пальцы в вашу краску.

Но на шпателе у нее не было мазков такого оттенка.

– Ладно, – резко бросил Седрик, – есть идем, или как?

III

При свете карманного фонарика Трой рассматривала перила на лестнице в башне. Краску так и не стерли, и сейчас она была в состоянии, которое обычно обозначают как «липкое». Она видела четкий отпечаток собственной ладони. Дальше краска оставалась нетронутой. Ее не пытались отодрать, просто прошлись по поверхности. Лишь в одном месте, на каменной стене над перилами, кто-то оставил слабый красный след от двух пальцев. «Рори меня просто на смех поднимет», – думала, глядя на отпечатки, Трой. Они были невелики, но, с другой стороны, не такие маленькие, чтобы их оставил ребенок. Может, кто-то из служанок прикоснулся к перилам, а потом к стене? Но на перилах не было никаких иных следов, кроме ее собственных. «Рори, – продолжала размышлять Трой, – сделал бы снимки, но что, позвольте спросить, можно извлечь из всего этого? Отпечатки размазались по грубой поверхности, их даже не зарисуешь». Трой уже собиралась двинуться дальше, когда луч фонарика упал на какой-то предмет, застрявший как будто между ступенькой и каменной стеной. Приглядевшись, она убедилась, что это одна из ее собственных кистей. Трой расправила волосы на щетине и увидела, что на ней засохли остатки марены.

Она спустилась на лестничную площадку. Тут находилась та самая дверь, стук которой, как показалось, она слышала прошлой ночью, перед тем как лечь спать. Прикрыта она была сейчас неплотно, и Трой слегка толкнула ее. Дверь открылась внутрь, и она очутилась в ванной комнате, отделанной в викторианском стиле.

«Ну что ж, – сердито подумала Трой, вспоминая свои утренние поиски ванны. – Фенелла ведь говорила, что у меня должна быть своя собственная».

Она запачкала пальцы в краске и зашла помыться. Брусок мыла, лежавший на мраморной подставке, был испачкан мареной. «Сумасшедший дом», – подумала Трой.

IV

В тот день сэр Генри позировал час. Следующее – воскресное – утро было отмечено массовым походом всей семьи (включая Трой) в анкретонскую церковь. Тем не менее после полудня он снова выделил для Трой час. Она решила сразу приступить к голове. Еще раньше Трой выработала общий план работы – волнующее сочетание бледных теней и сильных ударов кистью. Это можно будет завершить без него. Рисовала Трой хорошо. Ей удавалось избежать того, чего она всегда так опасалась, – излишней цветистости. Трой то и дело сверялась с пьесой. Разлитое в ней ощущение ужаса сделалось психологическим фактором ее собственной работы. Она остро испытывала то ощущение уверенной силы, которое приходит только тогда, когда художник знает, что все идет как надо. «При удаче, – думала Трой, – я смогу сказать: “Неужели это сделала такая полоумная, как я?”»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.